

Виктор Глумов

ШКОЛА НАЕМНИКОВ

Серия «Технотъма» – 9

ebooks@prospekt.org

Глава 1. Ничего личного

На выезде из деревни Артур остановил сендер. На посту — никого, совсем обнаглели, даже на рев мотора не отреагировали. Перепились, что ли? Пришлось вылезать.

— Грымза! Рябой! — заорал он и пнул ржавые ворота. — Ползуна вам в зад! Выпустите меня!

Из дозорной башни высунулась рожа. Кто это, Артур в темноте не разобрал.

— Сейчас-сейчас... — Затопали по лестнице, скрипнула клепаная-переклепаная дверь. — Чаво тебе эт на ночь глядя? Куды несётъ?

— Твое дело за дорогой следить. Ты пьян? Второй где?

Грымза потерябил кучерявые волосы, похожие на воронье гнездо, и махнул на металлические опоры башни:

— Дык там, холодно жеж!

— Дыхни!

И Грымза решительно шагнул вперед. И дыхнул. Лучше бы он стоял подальше — вонь

была такая, что Артур отшатнулся. Дозорный, однако, оказался трезв. Скукожившись, Грымза засеменил к воротам. Лязгнул засов, створки отворились со ржавым скрежетом, утонувшим в реве движка.

Разбрызгивая грязь четырьмя огромными колесами, сендер понесся по дороге, зажатой между холмами. Еще несколько сезонов назад никто не мог вот так спокойно разъезжать ночью по Пустоши. Только своих беспределыщиков перестреляешь — новые объявляются. Артур не понимал, чем живут кетчеры; иногда казалось, что мирного населения на всех грабителей не хватит. Избавление пришло неожиданно: за соседним холмом омеговцы выстроили гарнизон, всю шушеру перебили, и Артуров отец зажировал. Постоялый двор, бордель, манисовая ферма... И землепашцев подмял: они ему — еду, он еду — омеговцам. И конечно, часть еды — торговцам «налево». Все не нажрется, все ему мало. Р-р-раздери его мутант!

Вдалеке появились штыри столбов, черные на фоне посеребренных луной облаков. Вот она, свалка. Свет фар выхватывал из темноты машины, смятые неведомой силой. Некоторые словно расплавились и распластались на земле огромными ржавыми пятнами, кое-где сквозь них пробивалась трава.

Артур затормозил, вышел из сендера, юркнул в бронированный самоход с провалившейся крышей, откинул люк в полу: схрон на месте — два дробовика, запас патронов и сухари. Да, сейчас вроде бы спокойно, но вдруг набегут мутанты с юга? Когда было большое нашествие, он прятался тут с родителями и с семьей Романа. Чудом тогда уцелели: ферму мутанты сожгли, манисов угнали, животину под нож пустили и тут же съели. Хорошо, на полях что-то сохранилось, иначе фермеры, вернувшиеся на пепелище, с голоду перемерли бы.

Сплоченные одной бедой, Роман и Артур с тех пор друзья не разлей вода. В детстве их называли День и Вечер. Светловолосый улыбчивый Роман — Денёк, смуглый черноглазый Артур, соответственно, Вечерок. Потом они повзрослели и выросли из прозвищ, а контраст остался; правда, привычки, любимые жесты и слова сделались со временем общими, одинаковыми.

На свалке что-то скрипело, шуршало, потом раздался лязг, грохот, истошно заверещала крыса. Артур, вылезая из самохода, вздрогнул, столько в предсмертном крике было отчаяния. На миг воцарилась тишина — обитатели свалки прислушивались, пытались понять, не грозит ли им опасность. Артур вынул пистолет — здесь всякое бывает, в прежние времена чуть ли не каждый день приходилось от кетчеров

отбиваться.

Донесся мерный рокот движка. Роман едет. Рокот ближе, ближе... С выключенными фарами ползет, осторожничает. Фыркнув, двигатель заглох. В свете луны подъехавший сендер казался порождением свалки, да им и был по сути дела — огромные колеса, каркас, сваренный из труб... От сендера к Артуру метнулась тень.

— Роман?

— Я это, я. — Друг улыбнулся от уха до уха — блеснули крепкие ровные зубы. — Чего кислый такой? Может, по пиву? У меня кувшин с собой, хорошее такое пиво, забористое.

Если бы он знал, ах, если бы знал!..

— Я случайно услышал... Батя с Битым разговаривал, — как можно спокойнее сказал Артур и замер, выжидая.

Роман подобрался, как панцирник перед прыжком. Будь у него шерсть — дыбом встала бы. Он пошуршал в кармане, вытащил бумагу. Свернув папиросу, чиркнул зажигалкой, затянулся. Красный уголек высветил его сосредоточенное лицо. Роман затянулся еще раз, выпустил дым через нос и только тогда переспросил:

— С Битым?

— Не догадываешься, о чем? — Артур сунул в рот травинку, разжевал и сплюнул — горькая. Он не курил, ему запах табака не нравился. И кашлять надрывно, как папочка Шакал по утрам, не хотелось.

Роман щелчком отбросил самокрутку.

— Но... они же с отцом... Мы же здесь вместе прятались, кусок хлеба делили! — Голос дал «петуха».

— Хлеб-то делили, — проговорил Артур и зачем-то натянул на голову болтавшуюся за спиной шляпу, — а вот золото никак не поделят. Точнее, мой батя никак не поделит. — И снова сплюнул.

— Ваша Олька малая чуть с голоду не померла, моя мамка ее грудью кормила, — продолжал Роман, будто не слышал. — И брата покойного, и ее... Как же?..

— Не знаю. Потому я и здесь. Завтра ночью за вами придут. За всеми. Так что будь готов.

Воцарилось молчание. Вдалеке завел трель сверчок, откликнулся второй. Ветер посвистывал в выпотрошенных салонах легковушек, колыхал

истлевшие занавески самохода. С шелестом пронеслось перекасти-поле. Застрекотал ползун. Роман шагнул к Артуру, обнял его и похлопал по спине.

— Спасибо, друг, я этого никогда не забуду.

— Что делать будешь? — Артур неловко высвободился из объятий.

— Отец решит... Я пойду, да? И так времени мало. До встречи... или прощай. Сам понимаешь, больше можем и не свидеться.

— Удачи, друг!

Ссутулившийся Роман побрел к сендеру, обернулся и помахал воображаемой шляпой. Рыкнул мотор, и машина понеслась к холмам, над которыми плыла луна, то выныривая из-за туч, то прячась за ними.

Домой Артур не спешил. Во-первых, не хотелось видеть бату, Ингвара Хитрого, как он сам себя прозвал (все за глаза величали папаню Шакалом, и Артур был полностью с ними согласен. В открытую не нападет, размер не тот, а вот ночью подкрасться — это в его стиле). А во-вторых... Артур и сам не мог понять, что «во-вторых». Просто мерзкое чувство, будто он что-то теряет. Хотелось вымыться и уснуть.

Вдалеке взвыл панцирный волк, ему ответил второй, потом третий. Пора уходить, эти твари умеют бесшумно подкрадываться.

Артур выжал газ и включил фары — свет полоснул по дороге, во мрак метнулась тень, сверкнув рубинами глаз. Проклятые мутафаги! Только ведь с Романом извели стаю. Придется деревенских пинками на охоту выгонять, а деревенские только в кабаке, за надежными стенами, смелые, не то что Роман.

Волки бежали за сендером на почтительном расстоянии, а возле ограждения из сваленных и спрессованных остовов машин отстали. Артур помнил, как все выжившие после нашествия мутантов чинили забор, обматывали колючей проволокой; дети тоже участвовали, исколотые руки потом долго болели и гноились. Жалко было бросать хорошее место, всегда полноводный колодец; к тому же здесь останавливались все, кто ехал в Москву с востока и юга, со стороны Омеги.

Поначалу тяжело приходилось. Общими усилиями построили длинный одноэтажный дом, больше напоминающий барак: каждой семье по комнате, всего восемь семей. Сейчас в этом доме бордель. Потом за баракom соорудили кузню, а при въезде, прямо возле дозорной башни, сарай для скотины, плавно переходящий в крытый

навес для уцелевшей техники. Вскоре рядом выросла гостиница, тоже похожая на казарму, и каждая семья принялась обустраивать свой быт. Штырь и Ян, отец Романа, застолбили участки неподалеку и перебрались туда, остальные покорились Ингвару. Еще жить негде было, ютились в хижине, а Ингвар где-то раздобыл самку маниса, она отложила пять яиц, из них проклюнулись три детеныша, так возродилась известная на всю округу манисовая ферма. Сейчас она под самым ограждением, подальше от жилья, потому что твари жутко воняют. Помимо скотников с семьями и шлюх, в подчинении бати двадцать с небольшим охранников, а в гараже — два самохода и четыре сендера. Появилась даже диковинная остроносая машина о трех колесах — боевой трицикл. Сколько манисов, мулов и овец на ферме, Артур не вникал.

На этот раз Грымза отпер ворота, едва к ним подкатил сендер.

На площади у колодца трое бородачей в стеганых куртках с бахромой, шумно ругаясь, передавали друг другу флягу, запрокидывали головы — пили из горлышка. Рядом, повизгивая, плясали пьяные шлюхи из батиного борделя. Всхрапывали кони у перевязи, замерли у обочины два чужих сендера; пулеметные точки с них сняли при въезде — таков порядок. В

«Добром путнике» играл саксофон, мелодия лилась, не смешиваясь с воплями и бабьим смехом. Три сезона назад прибился на ферму колченогий дед, всего добра у него было — труба блестящая, саксофон этот. Ингвар Шакал послушал и проникся, велел деда не гнать и кормить, вот музыкант каждый день и развлекает торговцев, остановившихся на ночлег. Занятный дед, всю Пустошь объездил. И город-улей видел, и Донную пустыню, много интересного рассказать может. Живет себе в ржавом самоходе, лишь под вечер выползает. Сядет на пороге, натянет заплатанную фетровую шляпу, сунет в беззубый рот трубку и пускает кольца дыма.

— Артуурочка! — На плече повисла потрепанная грудастая деваха, дохнула перегаром. — Давай с нами, красавчик!

Ругнувшись, Артур отшвырнул ее и зашагал к себе. Обитал он в небольшом домишке, прилепившемся к батиному. Старшему сыну по статусу положен свой угол, да у Ингвара и не уместись: четыре жены, две рабыни и двенадцать маленьких детей. Артур жизнью отца не интересовался, путал имена сводных братьев и сестер, слыл разгильдяем. Но снискал славу умелого бойца, а она ценилась больше, чем примерное поведение.

В комнате бормотала женщина. Не хватало, чтобы пришел кто-то из девчонок, не до них сейчас. Артур отворил дверь, шагнул внутрь. Светло-голубая рубашка, рыжие волосы собраны на затылке в пучок — Ирена. Шепчет что-то, нетопырей кормит. Обернулась, глянула с упреком синими глазищами:

— Ты им есть давал? Смотри, какие голодные.

— Спасибо, что покормила, — сказал он, потянулся и зевнул. — Что-то устал я сегодня, в сон клонит.

— Понятно... Тогда до завтра?

— До завтра.

Выпроводив Ирену, Артур распахнул окно, уселся на подоконник и уставился на площадь: мужики уже разошлись, девок разобрали, а саксофон все играл и играл. Но вот и он смолк, будто по команде. Лишь ветряки со свистом рассекали воздух огромными лопастями. Луна спряталась, и на трех дозорных башнях зажгли прожекторы. Плата, взимаемая с торговцев, сполна покрывала расходы на электричество.

В лачуге наемных охранников заскрежетало, засвистело, щелкнуло, и заиграла песня — Радио Пустошь включили. Надтреснутым голосом пели

про свободного кетчера, проданного в рабство. Не закрывая окна, Артур улегся спать, долго еще ворочался. Успеет ли Роман уйти? Вдруг нападение запланировано на сегодняшнюю ночь? Разговор-то плохо слышно было.

Сны были тревожные, болезненно яркие. Романа убивали, Артур несся сломя голову, но не успевал.

Вздрагивал, просыпался, вырубался снова, и все повторялось с начала.

Ба-бах!

Артур вскочил с кровати, схватил пистолет; не до конца проснувшись, в одних трусах метнулся к окну. Грохнул выстрел. Что это? Набег? Кетчеры? Ворота... ворота открыты! И ни одного трупа у въезда. Это как же? Пожри их некроз, почему дозорные не подали сигнал? Предательство? Во двор с ревом вкатились сендеры. Застрочил пулемет. Артур зашарил под кроватью, нащупал сигнальный пистолет, высунулся в окно. Один выстрел — и ракета озарит небо красной вспышкой, повиснет искусственная «звезда», не успеют враги моргнуть, как нагрянут омеговцы. Улыбаясь, он нажал на спусковой крючок — осечка. Еще раз дернул — опять. И закружил по комнате, вспоминая, где заряд. Да на месте, где же еще! Сунул руку под кровать — ничего. Лег на

живот, заглянул — пусто. А ведь были, точно были еще три ракеты!

Артур двигался рывками, как во сне, и даже мелькнула спасительная мысль: не проснулся, кошмар продолжается...

Бум-м! Задребезжали стекла. Взвизгнула женщина, визг оборвался хрипом. Оцепенение слетело, пробрало холодом. Набег. Предательство. На ходу натягивая штаны, Артур выскочил в коридор, толкнул дверь и прижался к стене — в ковер напротив ударила дробь.

Мутафаг всех раздери!

Артур осторожно выглянул. Короткими перебежками к дому спешили люди, их лица были скрыты банданами. Он выстрелил — налетчики попадали, открыли огонь лежа. К счастью, промазали. Артур, пригнувшись, рванул через коридор в комнату, к окну. Пусть думают, что в доме не один человек.

— Красавчик, прикрой! — крикнули из старого сендера, донеслась пальба.

Артур выстрелил сквозь стекло, осколки разлетелись, один из бандитов взвыл и скорчился, второй уже бился в агонии. Дед-музыкант потряс ружьем и неожиданно бодро

метнулся к дому. Не успел, упал как подкошенный.

Вокруг трещало и гроыхало, орали люди; у въезда полыхала дозорная башня. Кони на перевязи бесновались, один сорвался и понесся к воротам. Захватчики осаждали лачугу отцовых наемников, оттуда огрызался пулемет. Перезарядив пистолет, Артур прижался к стене спиной. Высовывался на миг, ловил в прицел бандитов и жал, жал на спусковой крючок. Патроны вскоре кончились. Взять патронташ! Совсем голова не варит! Он влетел в спальню — и получил прикладом по затылку.

*

Между досками трещина. Луч солнца перед глазами — уже утро. Ощупывая дерево усиками, ползет рыжий муравей. Артур лежит лицом в пол. Холодно. Тянет гарью. Рядом кто-то мычит.

Артур попытался осмотреться, перед глазами заплясали разноцветные мушки. Что происходит? Встать! Он дернулся и понял, что связан. Пошевелил руками — запястья отозвались болью.

— Очухался? — В ребра слегка пнули.

Артур рывком перевернулся и остолбенел: над

ним возвышался Грымза. Смотрит сверху вниз, во взгляде — торжество. А рядом... Рядом Обрез — правая рука Яна, отца Романа. Они в спальне Артура, в его собственной спальне, куда он ни за что не пустил бы вонючего Грымзу. Сволочь, прямо на кровать своей грязной задницей уселся, ерзает по белью! Почемуто это оказалось самым обидным: не то, что по голове дали, не то, что связали, а то, что предатели топчут пол его комнаты, личные вещи лапают.

— Допрыгался, щенок? — ощерился Грымза, обшарил карманы кожаного жилета, вынул самокрутку и сунул в зубы.

Фрагменты сложились в картинку: испорченная сигналка, отцовские опасения... Нападение планировалось давно. Предупредив Романа, Артур дал сигнал врагам. Выходит, это батя наносил ответный удар, узнав о замыслах Яна. Понимание придавило могильной плитой, Артур до крови закусил губу.

— Чё, головушка болит? — позлорадствовал Грымза. — А ты думал, всю жизнь волков тебе гонять да девок портить?

Обрез смотрел пренебрежительно, как на личинку ползуна. Артур дернулся, глянул с ненавистью и прохрипел:

— Почему не пристрелили?

— Дык потому что ты, гнида, смерти не достоин. — Грымза покачал головой. — Все тебе было, все на тарелочке — жри! Дык нет, рожу воротишь, шкура. Вот теперь узнаешь, как это дается... и жратва, и девки...

— Не велено тебя убивать, — буркнул Обрез.

— Какое благородство. — Артур поджал губы и отвернулся.

Мысленно он тысячу раз освободился, свернул шею Обрезу, а Грымзе вспорол живот и намотал его кишки на кулак. Как там батя? Мертв? Или узнал, что получил удар в спину? Правильнее было поймать пулю и сдохнуть... А еще правильнее — сдохнуть вместо тех, кто погиб по его вине... Это ведь он собственными руками! И свою жизнь разрушил, и чужие...

— Позови Романа! — приказал Артур Грымзе.

Того аж перекосило:

— Командуешь? Дурная привычка, отвыка-а-ай. И волком-то не смотри, да? Ято что, об меня все ноги вытирали, а вот ты... Вот уж повезло Шакалу с сыночком! Уж какая он сволочь, но ты его переплюнул!

Броситься на них, убить, уничтожить... Пусть ничего уже не исправить, пусть пристрелят, но хотя бы попытаться!

Неужели Роман знал? Вот тебе и единственный родной человек. Больше чем друг... да какое там — больше чем брат! Из всех двенадцати братьев-сестер Артуру ни один дорог не был, отец — вообще чужой человек, он мать в могилу свел: зачем старая жена, когда вокруг столько молодых тел? И получается, единственный на всей Пустоши родной — Роман.

Правильнее было промолчать? Но как молчать, если знаешь, что завтра убьют друга? Жил бы себе дальше, охотился, сопровождал караваны... Вопрос только: кем бы себя чувствовал? Молчание — то же предательство. Разрослось бы, как пятно некроза, и пожрало изнутри. Либо физически подыхать, либо в Шакала превращаться. Выбора не было, выхода не было.

Оставался малюсенький шанс, что Роман не знал или не успел предупредить друга. Тогда Артур из предателя превращался в жертву и даже с неким флером благородства... Если поверить, что Роман хотел предупредить его, а смертей и пальбы не желал...

С улицы донесся зычный бас Яна:

— Обрез! Где тебя носит? Сюда иди!

— Присмотри за ним, — приказал Обрез Грымзе и исчез за дверью.

Во дворе гомонили люди, рычали моторы сендеров. Понемногу нарастал непривычный мерный гул, вскоре он растворил в себе все звуки. Что это за машина? Самоход? Вряд ли. Неужели омеговцы пожаловали на шумок? Шевельнулась надежда, что они накажут захватчиков. Шевельнулась — и замерла. Зачем? Им главное, чтобы поступали продукты в гарнизон. Кто поставщик — не важно.

Мотор заглушили, заговорили громче. Кого-то тащили, этот кто-то упирался и бранился. Причитала женщина, на нее цыкнули — умолкла. Артур надеялся услышать знакомые голоса — тщетно, только Ян рокотал, как та неведомая машина. Скрипнула дверь — в проеме образовался яновский прихвостень, кивнул на Артура:

— Приехали, тащи этого.

— Ну дык подсоби мне, глянь, какой он здоровенный! — возмутился Грымза.

— Иди ты манису в зад!

Грымза обиженно засопел, ухватил Артура за руки, ругнулся, бросил — неудобно. Взялся за ноги, зажал их под мышками и поволок на улицу.

— Тряпка! — не удержался Артур. — Ты думал, Ян тебя отблагодарит? Как был ты бумагой для подтирания, так и сдохнешь.

Воровато оглядевшись, Грымза отпустил жертву и пару раз пнул в живот ботинком с кованой подошвой — Артур закашлялся. Насвистывая веселенькую песню, Грымза вытащил его на улицу и бросил рядом с другим связанным — батиным охранником, не предавшим нанимателя. Бывшие друзья Ингвара толпились вокруг вперемешку с захватчиками, разговаривали и перешучивались как ни в чем не бывало. По обе стороны колодца с автоматами наперевес замерли два омеговца в черных рубашках и брюках. По каменным лицам, полускрытым шлемами, катился пот. Одному из солдат, размахивая руками, что-то втирал Ян. А вырядился-то! Ползунам на смех! Под щегольским жилетом — белая рубаха с широкими рукавами; коричневые брюки в обтяжку, похожие на бабьи, заправлены в остроносые сапоги, на круглом пузе — ремень с огромной серебристой бляхой. Батя всегда достойно с омеговцами держался, а этот хвостом готов вилять.

Бывшие соратники, встречаясь взглядом с

Артуром, бледнели и отворачивались. Крысы продажные! Даже потаскухи высунулись, рты раззявили. На лицах — любопытство. Ни сочувствия, ни сожаления. Что теперь будет с Иреной, с Никой? В бордель определяют? Ирена-то приспособится, быстро найдет покровителя, а вот Ника... Извернувшись, Артур попытался отыскать взглядом последнего человека, который ему хоть немного дорог. Окно распахнуто, вот и она — синие глазища, лицо сердечком, волосы белые, словно пеплом присыпанные. Пистолет в руках дрожит. Что же ты делаешь, глупая? Артур помотал головой — Ника, умница, юркнула в комнату. Кажется, никто ее не заметил.

Артур знал, что Ника делает: села прямо на пол, закрыла лицо руками и беззвучно рыдает. Она на самом деле не блондинка — полностью седая в свои семнадцать.

Хваткой умирающего панцирника Артур вцепился в мысли о Нике — единственное, что держит, не дает свалиться в пропасть. Четыре сезона назад ее купили в бордель, Артур видел, как Ника вырывалась, когда ее тащили потные похотливые лапы, и пожалел, взял себе. Говорят, друга не купишь... Врут. Можно друга купить — доверием, помощью, человеческим отношением. На него, Артура Красавчика, девки всегда заглядывались, клевали на черные волосы, карие глаза и правильные черты лица. Он даже

гордился своей внешностью. С красивым человеком охотнее ведут переговоры, красивый человек на ступень выше, кажется, стоит... Заглядывались девки. И сейчас вон глазают — из толпы врагов.

А Ника не предала. Нужно обязательно выжить, что бы ни выпало. Вряд ли его сейчас убьют, хотели бы — давно бы пристрелили. Значит, есть возможность уцелеть, чтобы вернуться за Никой.

— Тащи! — скомандовал омеговец.

Мужики расступились, и взору открылась машина у ворот, огромная, зеленовато-ржавая, с кузовом, сваренным из металлических заплат, рядом замер танкер, направив пушку на поселок. Вот бы выстрелил сейчас и навсегда успокоил и Артурову совесть, и проклятых предателей.

Артура волокли аккуратно, держа под руки. Навстречу шагал Роман, вырядившийся, как и папаша.

— Ты знал? — крикнул Артур.

Роман не побледнел, не отвел взгляда, поджал губы и уронил:

— Извини, друг, ничего личного.

В кузове грузовика, оказывается, была дверь, ее охраняли еще двое омеговцев. Артура ткнули прикладом под ребра и, пока он корчился, разрезали веревки, затолкали внутрь.

Артур ткнулся носом в тряпку, провонявшую бензином. В фургоне, кроме него, сидели тот самый папанин наемник (обритый налысо молодой парень — недавно в поселке, кажется его называли Жбаном) и еще трое мужиков. Когда дверь захлопнулась и лязгнул засов, один из незнакомцев, тощий коротышка, принялся браниться и колотить кулаками по стенкам. Растерев затекшие запястья, Артур повалился на спину и закрыл глаза.

Духота стояла невероятная, кабина раскалилась на солнце, воздух почти не проникал в маленькое зарешеченное окно, лишь чуть тянуло прохладой от вентилятора, впаянного между водительской кабиной и кузовом.

Глава 2.

Школа офицеров

После Погибели воинскую часть генерала Омеганова накрыл сошедший сель. Личному составу пришлось перебраться в сохранившийся карьер, где генерал организовал Цитадель. Поначалу Омега представляла собой организацию, занимающуюся продажей эскорт-услуг. Постепенно огневая мощь Цитадели возросла, личный состав стал пополняться рядовыми из жителей Пустоши и за плату участвовать в военных действиях на стороне нанимателя.

История Пустоши. Цитадель. Шестой курс

Солнце палило немилосердно. Оно стояло почти в зените, и скалы, окружающие Цитадель Омегу, не давали тени. Полоса препятствий, где тренировались курсанты, превратилась в печь. Вездесущая рыжая пыль устилала землю, висела в воздухе плотной занавесью, и казалось, что кислород уже выжгло и дышать нечем, потому что пыль забивает легкие. Полтора десятка курсантов, тяжело дыша, отжимались под счет командира-наставника, рослого седовласого военного в черной форме. Командир-наставник Андреас от жары не страдал, лицо его оставалось сухим, в отличие от лиц, спин, рук курсантов.

Лекс не знал, кто придумал полосу препятствий, поэтому зло для него, потного, грязного, олицетворял командир-наставник отряда. Лежа носом в пыль, чувствуя, как она прилипает к коже, Лекс не видел Андреаса, но слышал его изобличающий голос:

— Слабаки! Еще пятьдесят отжиманий! Раз!

Руки разогнулись, толкнув курсанта вверх. Удержаться! Это желанная передышка... упасть, и лежать, и не двигаться. Но за каждого упавшего отряд получает еще пятьдесят отжиманий. И еще. И еще. И со слабаком потом разберутся по-своему. А Лекс слабаком не был.

— Два!

Мышцы свело, руки дрожали, Лекс закусил сухую пыльную губу. Жарко. Солнце не просто выгоняет из организма влагу, но и вытапливает подкожный жир. Занятия должны были закончиться, если пользоваться системой измерения Древних, час назад, но прямо мордой в пыль упал Умник, и Андреас озверел, хоть и нехорошо так думать о командире-наставнике.

Счет продолжался, и Лекс отжимался механически, будто был киборгом. Слева, справа, сзади тяжело дышали сокурсники. Сколько еще? После силовых — построение, потом — научная

часть, дальше — обед. На построении курсант должен выглядеть опрятно: форма отглажена, лицо умыто, блестящие глаза устремлены на командира-наставника. И на вышестоящее начальство, буде объявится.

— Стоп! — прервал счет Андреас.

Лекс рухнул в горячую пыль.

— Вы курсанты или мясо?! Курсант Гай, встать!

Лекс через силу повернул голову и увидел, как встает, покачиваясь, курсант Гай, занимавший соседнюю койку, — сперва на четвереньки, потом на колени. Что это с Гаем? Он ведь парень не хилый. Заболел? Рядом скрипнула пыль, и перед глазами возникли слегка запорошенные сапоги командира-наставника.

— Встать, я сказал!

Гай встал. Его шатало.

— Из-за тебя, курсант, твои товарищи получат еще пятьдесят отжиманий! Ты понял? Посмотри на них, курсант!

Лекс не видел Гая, усталость была сильнее любопытства, но слабый, дребезжащий голос

приятеля слышал отчетливо:

— Так точно, командир-наставник Андреас! Разрешите доложить... — И Гай упал. Рухнул на землю теперь уже по-настоящему.

Лекс вскочил, забыв об усталости, жаре, боли в мышцах. Бросился к другу, над которым уже склонился командир-наставник, некроз его заешь, хоть и нехорошо так о командире... Андреас перевернул Гая на спину. Из носа курсанта текла густая темная кровь. Сокурсники переглянулись, загомонили.

— Лекаря! — рывкнул командир-наставник.

Лекс кинулся через полосу препятствий к казармам, обогнул снаряды, «скалодром», «лабиринт» из сваренных труб, перепрыгнул неширокий ров, перемахнул через забор, выскочил на плац и понесся дальше. Сердце тяжело билось в груди, раскаленный воздух драл горло, а Лекс почему-то думал на бегу: вот нигде в Цитадели Омега нет пыли. Ни на плацу нет, ни у казарм, ни у домов офицеров, ни у барачной обслуги, ни на кухне, ни на путях, ни в шахтах — нигде! Почему ее столько на полосе препятствий, где каждое утро гоняют курсантов? Специально завозят? Лекс представил себе целый грузовик пыли и чуть не сбился с шага. Одернул сам себя. Там Гаю плохо, другу, соратнику! А он о пыли

размышляет.

Лекс бежал по дороге, присыпанной гравием, мимо одинаковых зданий. На улицах было пусто — курсанты всех возрастов на занятиях, офицеры при деле. В Цитадели Омега, которую на Пустоши зовут Замком Омега, нет празднующихся.

У двери лазарета скучал помощник лекаря из штатских, широкоплечий и низкорослый Хома. Жевал что-то, сплевывая на землю. Заметив курсанта, ослабилась. Лекс перешел на шаг, стараясь держаться подобающим образом — прямо и гордо. Он понимал, что по лбу, по щекам, оставляя дорожки на пыльной коже, бежит пот, что майка грязна, брюки — мутанту носить и то стыдно будет, лицо горит, оно сейчас, наверное, пунцовое, как у всех светловолосых после физической нагрузки, но хотя бы позой старался передать свое превосходство над Хомой.

— Пра-аблема? — протянул Хома.

— Лекаря срочно. На полосу.

— Тю. Срочно! — Хома улыбнулся еще шире.
— Сейчас позову.

Лекс почувствовал, как поднимается мутная волна злости. «Мясо», увалень, как и все

штатские. Сжав кулаки, он шагнул к Хоме...

— Эй! Курсант! — С губ помощника лекаря полетела слюна, он попятился к дверям, выставив перед собой руки. — Остынь, ты чего?! Остынь, парень!

Дверь распахнулась, стукнув Хому по спине, и появился лекарь. Лекаря Лекс уважал. Гнев улегся, как пылевой смерч.

— Вас на полосу срочно командир-наставник вызывает.

Лекарь кивнул, на миг скрылся в помещении, вернулся с сумкой в руке и пошел рядом с Лексом, без труда поспевая за молодым парнем. Лекс в лазарете лежал один раз — еще пацаном сопливым, первокурсником, когда упал и сломал руку. С тех пор лекарь как будто и не изменился — аккуратная седая бородка, на носу окуляры, небось еще Древние делали; форма всегда чистая, ни складочки, сидит как влитая. Порой кажется, будто рядом с тобой, сверкая нашивками на черном кителе, шагает не лекарь, а старший офицер, если не генерал...

— Что случилось, курсант?

— Курсант Гай упал. И у него кровь носом пошла.

— Вы на удивление многословны, — без улыбки заметил лекарь.

Лекс поджал губы. А что, цвет крови живописать? Сказал как было. И получил в ответ эту... как ее... мастер-переговорщик называл... то ли иринию, то ли иранию. Иронию, вот.

Шли долго, в обход полосы препятствий — через калитку, мимо тренажеров и брусьев. Не по прямой же лекаря тащить, еще свалится, чего доброго, в ров.

Выяснилось, что пока Лекс бегал за лекарем, занятия прекратились и командир-наставник Андреас распустил отряд — приводить себя в порядок перед построением. Заметив Лекса, он кивнул — мол, ступай себе. Лекарь склонился над Гаем — кто-то перенес курсанта в тень, в сознание он так и не пришел. Лекс собрался шагнуть к другу, но перехватил взгляд командира-наставника и кинулся к казармам. До построения, наверное, всего ничего, успеть бы.

В умывалке обсуждали происшествие, некоторые несдержанные на язык ругали Андреаса. В Омеге не место слабым и больным, сюда набирали только крепких и здоровых парней. Сначала курсантов было двадцать пять, но к выпуску осталось пятнадцать. Куда делись те, кто не потянул нагрузку, Лекс не знал.

Он скинул грязную одежду на пол и принялся отмывать с лица пыль, поглядывая на себя в зеркало. Собственная внешность Лекса вполне устраивала — высокий, плечистый, в строю четвертый с начала. Лицо мужественное... К нему отлично подошло бы слово «офицер»... Лекс улыбнулся фирменной кривой улыбкой.

Протрубил горн. Первый сигнал, скоро будет второй, а потом и третий. И если ты по третьему не в форме и не на плацу, плохо тебе придется. Лекс сунул голову под струю воды, взъерошил волосы. Теперь пригладить их, одеться в черную форму, схватить шлем под мышку и бегом, бегом, все уже построились — на плац.

Сигнал.

Замереть. Взгляд — на белесое небо над вершинами окрестных гор. Мысли — чисты и непорочны. По уставу.

— Вольно. — Этот голос, хриплый, низкий, не по телу, Лекс узнал бы в любой обстановке. — Здравствуйте, курсанты.

И в полтора десятка глоток:

— Здравья желаем, генерал Бохан!

Теперь можно посмотреть на генерала. Он

удивительно маленького роста — Лексу едва по грудь, — но сложен пропорционально, лицо его исполнено гордости, отеческого тепла и отеческой же строгости, взгляд светлых глаз проникает в пустые головы курсантов. Генерал доволен построением. Старшекурсники стоят с правого края строя, младшие замерли левее. Генерал уже знает о случившемся на полосе, потому что генерал Бохан знает всё. Взгляд генерала остановился на Лексе, и тот, несмотря на палящий зной, покрылся холодным потом.

— Курсант, — пророкотал Бохан.

Лекс сделал шаг вперед.

— Курсант Лекс, мой генерал!

— Почему голова мокрая, курсант? Вы не читали Устав?

— Никак нет, мой генерал, читал, мой генерал! Позвольте доложить, мой генерал! — (Милостивый кивок, ледышки глаз.) — Командир-наставник Андреас приказал привести лекаря на полосу препятствий, поэтому я никак не успевал...

— Что за детские отговорки! — Генерал дернул подбородком. — Ничто не может помешать курсанту, завтрашнему офицеру, выглядеть

должным образом! Ты — не фермер, не рыбарь, ты — воин Омеги. Даже в бою наши офицеры являют пример для подражания. И волосы их, курсант, даже под шлемом остаются сухими! Объявляю тебе, курсант, выговор. Доложишь майору Андреасу, он назначит наказание. Вернись в строй.

Послышался шепот — сослуживцы обсуждали проступок Лекса. Воины Омеги — одна семья, отец-генерал всегда прав. Провинившегося порицают и старшие, и братья-курсанты, выговор — позор для всего отряда. Лексу огромного труда стоило держать спину прямо, не сутулиться под взглядами сослуживцев.

Глава 3.

Дорога в неизвестность

Пить хотелось постоянно. Стоило оторваться от фляги, пожалованной омеговцами, как снова начинала мучить жажда. Кузов раскалился на солнце, и только теперь стало ясно, зачем вонючая тряпка на полу — дабы не обжечься. Пленники сидели на ней, нахохлившись и поджав ноги.

Сначала Артур думал, что весь поселок знает, кто предатель, в том числе наемник Жбан, и ждал нападения, но Ян и Роман сохранили его тайну, а Жбану, похоже, ни до чего не было дела — он с трудом переживал унижение и потерю свободы.

Грузовик ехал медленно и танцевал на кочках — один из чужаков, тощий бородач, хватался за горло и изо всех сил старался не наблевать. Молчали. Жбан баюкал раненую руку.

Пленники по очереди подходили к окну, становились на цыпочки. В салоне воняло потом, немытыми телами, и раскаленный воздух Пустоши казался свежим. Коротышка из чужих все время ерзал и бурчал под нос — до окна он не доставал. Наконец не выдержал, вскочил и заорал в вентилятор: — Эй вы там, волк вас раздери! Вы нас поджарить хотите? А то будут

вам яйца вкрутую, а не люди!

— Толку-то орать, — подал голос одноглазый громила, почесав скошенный лоб. — Ща прыдуть та ребра пересчитают.

— Из Киева? — не выдержал Артур.

— Га? — отреагировал громила. — С-под Кыйива, довго там жив. — И снова смолк.

Машина остановилась, хлопнули дверцы. Оттолкнув тощего, Артур приник к забранному решеткой окошку. Танкер позади грузовика тоже затормозил, из люка высунулся автоматчик. Омеговцы вытащили из кабины рулон ткани, развернули, смочили водой. Что это они задумали? Поволокли куда-то, исчезли. Чуть позже Артур сообразил, что они собираются накрыть кузов с пленными.

— Во-от! — Коротышка воздел палец. — А вы говорите, что орать без толку!

— Это радует! — возликовал бородач.

— Ага, — буркнул громила, — прохладнише будэ.

— Дурак! — Бородач постучал себя по лбу. — Мы им нужны живыми! Вишь, заботятся.

— Что они с нами будут делать? — с надеждой спросил Жбан.

— Эй! — снова крикнул в вентилятор коротышка. — Куда вы нас везете, а?

Ответа не последовало. Коротышка долбанул по железу, еще долбанул.

— Отвечайте!

Разобравшись с кузовом, омеговцы вернулись в кабину, взревел мотор.

— Вот так и буду тарабанить, пока не скажете!

— Сел! Живо! — рывкнули из кабины — коротышка пулей отлетел, насупился.

— Я вроде догадываюсь, куда нас везут. — Бородач уступил место у окошка громиле.

— Шо? — Единственный глаз громилы блеснул.

— Когда у омеговцев будет трудный бой, — начал бородач со знанием дела, — нам дадут оружие, какое не жалко, и погонят впереди себя. Прикрываться нами будут, вот.

— И шо? А як развернэмся мы, та як йих пострэляемо?

— Вот дурень! — всплеснул руками коротышка. — Не успеешь!

— Я слышал, — продолжил бородач, — что лучших из этих, ну, из нас, потом в наемники берут и даже платят. Рассказал один кетчер. Он потом сбежал оттудова.

Артура перспектива стать наемником не прельщала. Кто такие наемники? С одной стороны — умелые бойцы, с другой — низшая каста, люди без семьи, без двора. Одинокие. Они сбиваются в стаи, они хуже кетчеров: зависят от работодателя. Они жадны до денег и продажных женщин, но заработок уходит на оружие, а женщины их не любят. Потому что наемник — убийца, убийца по договоренности, бессовестное и тупое быдло. Конечно, омеговцы стоят ступенью (а то и не одной) выше. Но только офицеры, прошедшие обучение. А рядовые Омеги — те же фермерские сынки, разорившиеся, ни на что больше не годные. Артур, может, и не отказался бы стать офицером, но вот в «пушечное мясо» идти...

— А что, — коротышка потер руки, с тоской глянул на окошко, — главное, в дороге не сдохнуть.

— Пидсадыть тэбэ? — предложил громила.

— Чи-и-иво? — Коротышка аж раздулся от возмущения.

— Ну, я тэбэ пидстрахую, ты ж малэнький.

— Ага, как «малэнький», так сразу «пидстрахую»! Нашелся, понимаешь, пидстрахуй! — фыркнул коротышка. Подумал и кивнул: — Ладно, а то задохнусь к вшивому мутанту! — Он взобрался на согнутую ногу громилы, вцепился в решетку и, ругнувшись, потряс обожженной рукой. Зажмурился. Ветер шевелил мокрые сосульки волос.

— Давайте, что ли, знакомиться, — предложил бородач. — Я Остряк.

— Ломако, — сказал киевлянин, придерживая коротышку.

— Шкет, — бодро представился тот.

А коротышка-то поверил, что его в наемники определят и сразу генералом поставят! Воспрял. Просто дирижабой воспарил, ни жара ему нипочем, ни вонь и тряска.

— А я уж думал, конец нам пришел, — тараторил Шкет, глядя в окошко. — Ан нет, выживем, в наемники подадимся! Вернусь и прирежу топливника энтого. Он что задумал,

мание бесхвостый, людей, значить, кликнул, ну, на работу. Деньги хорошие обещал. А я дура-ак! Поверил. Знал ведь, что просто так столько не платють. Ну енто, люди, значить, приходят, он их раз — и в сарай. А потом приезжают разные, ухи — чик, и в рабы. А мне повезло, да-а.

— Угу, кому ты сдався, дохля? — ласково пробурчал Ломако.

— Тьфу на тебя... Ох ты ж! — Шкет аж подпрыгнул. — Да там ктото есть!

— Дэ? — Ломако вытянул жилистую шею, поросшую рыжими волосами.

— Да вон же! Смари, ща он за холм спустился... сендер, кажись. Скоро опять появится. Опа! Видел, да? Никак за нами едет.

— Не «за нами», а объезжает, боится, — предположил Остряк. — Это ж каким дураком надо быть, чтоб на омеговцев напасть! У них же танкер.

— Так и есть — объезжает. — В голосе Шкета сквозило разочарование, он немного помолчал и добавил: — Ну, за что тебя, Ломако, загребли, мутанту понятно. На роже написано, кто ты есть. И на этом написано, — кивнул он на бывшего охранника. — Но тебя-то, Остряк? Или тебя,

паря?

Ломако шумно засопел, зыркнул исподлобья и пятерней собрал патлы на затылке, показывая уши. Не было у него ушей.

— Понятно, да? — бросил он с обидой. — Пять сезонов пахал на хозяев, спиной гепнулся, ноги теперь плохо ходять. Зачем им такой? Вот и продали, казалы, шоб молчав, не то пристрелят. А ранише ферма своя була, жона була та донька.

Шкет сжался, стал еще меньше, слез с колена Ломако и попятился:

— Да ты прости... я ж не знал.

— Не знал... Чому сразу «за шо»? Просто. — Глаз Ломако смотрел печально, без осуждения.

— А я вот заслужил, — подал голос Остряк. — Знал много, не на того рыпнулся. А чего добро просто так губить? Вот кетчеры и продали омеговцам. — Он схватился за горло, отвернулся — грузовик затрясло сильнее. — Все кишки к мутанту вытрясет!

— Кетчеры продали омеговцам? — удивился Артур.

— Почему бы и нет? Омеговцы закрывают на

кетчеров глаза, те с ними делятся, всё почестному...

— Они наш поселок охраняли, тихо было...

— Ну конечно, им так выгоднее, а в других местах им выгоднее кетчеры. Усёк?

О себе Артур промолчал. В душу никто лезть не стал — мало ли, что у парня случилось. За него ответил Жбан, живописал предательство дозорных и ночное нападение на поселок, добавив: — Набежал его вот бати друг, — кивнул на Артура. Красавчик с сыном евойным, Романом, вместе рос, потому и не прибили. А Шака... то есть Ингвара, на дозорной башне повесили, мертвого уже.

— Шакал сдох? — удивился Остряк, приложил руку к груди и обратился к Артуру: — Извини, он все же отец твой. Но какой же был дрянный человек!

— Да кто же спорит. Кстати, я Артур.

— А вот будь я омеговцем, — затараторил Шкет, — я бы тебя сразу в наемники взял. Такой паря! Плечи — во! Сильный, видать.

— Кажись, ферма, — проговорил Ломако, глядя в окно.

Артур поднялся. Да, ферма. Ограждение из сваленных остовов машин, покрышек, колес, поверх груды змеится проволока-секучка, есть и дозорная башня — установленный на покосившихся сваях ржавый сендер. Дохлый ветряк вертит лопастями. Холм порос сочно-зеленой травой — не выгорела еще. Два дня жары, и она пожелтеет, а потом и вовсе рассыплется...

— Не ферма это, — проговорил Остряк. — Точнее, не совсем ферма. Они тут дурман-траву выращивают... Ну, выращивали и продавали.

Колонна свернула к свалке. Навстречу, размахивая ружьем, спешил лохматый оборванец. Омеговцы остановились при въезде на ферму. В окно было видно, как оборванец разговаривает с водителем, размахивает руками, восполняя недостаток слов, и украдкой косится на холмы. Танкер остановился справа, закрывая обзор. Откинулся люк, и высунулся автоматчик в шлемофоне. И как у него еще мозги не спеклись? Ничуть не опасаясь нападения, водитель направился за местным.

Вскоре омеговец вернулся, махнул напарнику рукой — выходи, мол, — и кивнул на кузов. Из танкера вылезли трое бойцов.

— ...мясо... кормить будем... — донесся голос.

Открылся люк возле вентилятора, на пленников глянул омеговец:

— Ну что, мужики, привал. Я вам кидаю наручники, вы защелкиваете их на руках, а потом аккуратненько по одному выходите подышать свежим воздухом. И чтоб без глупостей. Кто будет буянить, того на кузове распнем, чтоб медленно поджаривался. Уяснили?

— Уяснили, — сказал Шкет и пожаловался: — У нас вода кончилась.

Не отреагировав, омеговец швырнул наручники и попал в Ломако. Тот крикнул, но смолчал, повертел их, сомкнул на запястьях. Поднял руки, демонстрируя, что обезврежен. Остальные последовали его примеру. Артур подумывал не защелкивать «браслеты» до конца, но потом решил не рисковать. Стать наемником ему хотелось больше, чем поджариться на солнце, омеговцы слов на ветер не бросают, это знают все.

На выходе омеговец дернул за цепочку, проверяя, не схалтурил ли Артур, и толкнул его в спину — к тени от груды покрышек.

Каким же свежим, душистым показался раскаленный воздух! Дышать, не надыхаться! И плевать, что рядом свалка, — подумаешь, свалка,

эка невидаль. Сутулый местный в тюрбане принес миски с зеленоватой кашницей. Ложки пленникам не полагались. Пришлось хлебать так, через край. А ничего похлебка, съедобная.

Омеговцы таскали в кузов какие-то рулоны, носили воду ведрами. Один из воинов (Артур так и не научился их различать) замер напротив пленников, подождал, пока они поедят, и окатил из ведра, приговаривая: — Охладитесь, а то завонялись, как мутанты.

Местный принес и ему еды, беззубо улыбнулся и попятился, безостановочно кланяясь.

— Я бы не спешил есть. — Остряк поднялся. — И воду пить не стал бы.

Омеговец недоуменно посмотрел на него, даже миску отставил:

— Почему?

— Я слишком хорошо знаю этих людей, чтобы им доверять. — Остряк поманил омеговца.

Артур напрягся. Что задумал бородач? Хочет напасть на военного, отобрать автомат и... Но омеговец к Остряку не пошел, качнул головой и крикнул своим: — Эй, бойцы, идите-ка сюда.

Остряка окружили наемники, и он зашептал:

— Дай-ка я понюхаю твою похлебку, я запах дурман-травы отлично чую. Эти люди — наркоманы. Дурман-трава делает их глупыми, жадными и ленивыми. Понимаете, о чем я? Танкер — лакомая добыча. — Бородач поковырял кашу, принялся и удовлетворенно кивнул. — Так и есть. Незаметно выбросьте это и сделайте вид, что съели.

— Даже если нас прикончат, — заговорил статный мускулистый омеговец, судя по нашивкам офицер, — их же потом в порошок сотрут!

— Я предупредил. Кетчеры живут одним днем, а эти к тому же наркоманы, вон, все зубы у них выпали. Они просто не думают о будущем, не умеют.

Переглянувшись, омеговцы разошлись, надсмотрщик с сожалением вывалил обед в траву и растер ботинком. Из глубины свалки, из-за огромной ржавой машины со множеством колесиков, наркоманы выволокли двух связанных мужчин, таких же грязных и лохматых, как они сами, в заплатанных рубахах и штанах, бросили лицами в землю. Пленники неразборчиво заворчали. Следом вели здорового, совершенно лысого мутанта,

обмотанного веревками. Тварь рычала и скалилась. Над глазами-пуговками нависали пластинчатые наросты, когти были как у панцирного волка. И цвет кожи землисто-серый. Сначала Артур думал: его обрили, чтоб вши не заедали, но присмотрелся и понял — волосы на его голове никогда и не росли.

— Это еще что? — возмутился конвойный. — Мы его не заказывали, он же мне людей пожрет!

— Он мигный, — наркоман улыбнулся, обнажая воспаленные десны, — наученный. Да, Малыш?

Мутант рыкнул и кивнул.

— Проваливай, — омеговец отмахнулся. — Давай-давай отсюда!

— Мы ж его не покогмим, он глупый, в Пустошь с фобой не возьмешь. Фто он там делать будет? Неповоротливый же, в шендер не влефет, да и фтреляет плохо. Зато фмотри, какой фильный! — Беззубый ощупал смирно стоящего уроды.

Вдалеке рыкнул мотор. Кетчер выжидающе уставился на омеговца. К уху Артура склонился Остряк и прошептал: — Приготовься, сейчас начнется. Будем надеяться, нас не тронут.

Что происходит, до омеговца доходило непозволительно долго. Он потянулся к автомату, кетчер вскинул дробовик и выстрелил — конвойный пошатнулся. Гвоздями оцарапало плечо, но черный жилет выдержал удар. Одновременно вскочили фальшивые пленники, выхватили пистолеты и открыли стрельбу. Взревев, мутант разорвал веревки. Омеговец упал, перекатился и дал очередь по кетчеру, того подкосило, на груди расцвели алые пятна.

На сторожевой башне застрочил пулемет, в ответ застрекотали автоматы.

— Убей! — завизжал кетчер, прикидывавшийся пленником, и прицелился во врага.

Из танкера выскочил мускулистый омеговец, на него налетел мутант, сбил, повалил. Омеговец пнул мутанта в пах, но тот, накачанный наркотиками, не чувствовал боли.

Артур подсек ближайшего кетчера, сцепил руки в замок и рубанул бандита по затылку, тот захрипел, обмяк, задергался.

— Ты что же делаешь? — донесся возмущенный возглас Шкета.

— Выживаю, — бросил Артур через плечо,

пытаясь скованными руками вырвать пистолет из сжатых пальцев кетчера.

Второй бандит был занят омеговцем с автоматом и на пленников не обращал внимания. А зря.

Целиться было неудобно, но все-таки Артур взял на мушку косматую башку кетчера и выстрелил. Тот захрипел и рухнул. Омеговец, раскачиваясь из стороны в сторону, бросился за бронированный грузовик и открыл пальбу из укрытия. Командира, поваленного мутантом, Артур не видел. Он разрядил пистолет в тварь, мутант бросил жертву, развернулся и кинулся на обидчика. Нажать на спуск! Щелк, щелк — патроны кончились. Артур отшвырнул пистолет, схватил кусок арматуры, со всей силы саданул тварь под челюсть. Любой человек уже упал бы на спину, но мутант лишь закинул голову, покачнулся, загребая воздух ручищами. Этого Артуру хватило, он примерился и с размаху ударил снизу вверх под нос. Брызнула кровь, мутант булькнул, закатил глаза и рухнул.

Омеговский командир уже очухался, перекатился к покрывкам и палил оттуда. Со стороны холмов в облаке пыли неслись сендеры. Пришел в движение танкер, заворочал гусеницами, развернул башню. Пушка, дернувшись, плюнула огнем. На одном из

сендеров полыхнули топливные баки. Некоторое время он еще катился с холма, волоча за собой черный шлейф дыма, потом ткнулся острым носом в пригорок. Кетчеры развернулись и понеслись прочь.

Из танкера вылез боец с черной трубой, вскинул ее на плечо. Хлопок — и сторожевая башня разлетелась на куски, на перекладине повис горящий труп. Странные эти кетчеры — дохнут, а оружие не выпускают.

Вскоре всех наркоманов перебили. Или уцелевшие решили, что разумнее затаиться. Артур знал: на свалках великое множество мест, где можно спрятаться. Обернулся — пленники разбежались, остался только Ломако. Вскоре спохватились и омеговцы. Пошатываясь, подошел командир. Все-таки здорово мутант его помял. По правой руке бежала кровь, капала с опущенного автомата.

— Спасибо, — сказал офицер Артуру, — теперь отдай пистолет.

К свалке уже бежали двое автоматчиков. Артур протянул оружие, командир осмотрел пистолет и выбросил.

— Ты отличный боец. Обещаю за...

Хлопок — и офицер падает, хватаясь за простреленное горло. Вихрем налетели солдаты, повалили Артура, в затылок ткнулся автоматный ствол.

— Это не он стрелял, это оттуда! — завопил кто-то из омеговцев.

Мимо Артура протопали ноги в ботинках. Вдалеке захрипели, ойкнули. Ствол убрали, и Артур увидел, как двое в черном тащат подстреленного кетчера, тот обмяк и не сопротивлялся.

— Беру командование на себя, — подospel омеговец, спрятавшийся за грузовиком. — Пленных найти, этого, — кивнул он на бандита, — растянуть на кузове. Пусть подышает медленно.

Не успел Артур обдумать свое положение, как нашли Шкета и охранника из поселка, пригнали пинками. Жбан прикрывал разбитые губы. На Артура никто не обращал внимания. Улыбнувшись, удача повернулась задом. Если бы командир выжил, Артура точно взяли бы в наемники, послужил бы сезон-другой, а потом вернулся за Никой и пристрелил Романа (при мысли о нем сжались кулаки). Теперь же... бежать надо было. Артур прекрасно понимал, что их в Омеге никто с распростертыми объятиями не

ждет.

— Где бородатый? — спросил сержант, взявший на себя командование.

— Как в разлом провалился, — доложил другой омеговец.

— И мутант с ним. Пусть остается. Он нам жизнь спас. Забираем груз и уезжаем.

Дико орал кетчер: его веревками растягивали на раскаленном кузове. И правда, омеговцы слово держат. И командир сдержал бы, если б не эта тварь.

И снова тряска, душный кузов да плюс вопли поджариваемого кетчера. Сперва он орал и бранился, потом на некоторое время смолк и дурным голосом затянул песни вольной Пустоши. Вечером омеговцы остановились и выбросили труп.

Глава 4.

Первое испытание

После Бунта Офицеров, произошедшего в 170 году от Погибели, власть в Цитадели перестала быть преемственной. Теперь звание генерала может быть присвоено любому офицеру, имеющему выдающиеся воинские достижения и работающему на благо общего дела. Звание офицера отныне присваивается лишь курсантам, прошедшим специальный курс теоретической и практической подготовки. Пехота пополняется рядовыми из числа так называемых диких — обитателей Пустоши.

История Пустоши. Цитадель. Шестой курс

Вбив в курсантские головы все необходимые знания, в последние дни «научники» сбавили темп. В аудитории было невыносимо — душно, жарко, и жара давила, давила, голова сама собой клонилась к столу... Лекс дернулся и открыл глаза. Мастер-наставник по географии прервал речь, окинул аудиторию задумчивым взглядом:

— Сегодня наше с вами последнее занятие, курсанты, но, надеюсь, не последняя встреча. Поверьте, география и картография важны для будущего офицера не меньше, чем боевые искусства...

Мастер-наставник еще долго нес проникновенную чушь, а Лекс таращился в окно, где подпирали небосвод изъеденные эрозией скалы. «Дурень, — сказал он себе, — учеба кончилась, твоя жизнь меняется». Но ничего не почувствовал, ни предвкушения, ни ожидания, только какой-то отблеск неизбежности лежал на всем — на полу, стенах, столах аудитории, лицах товарищей.

— Можете быть свободны, — закончил мастер.

Курсанты поднимались, подходили к наставнику, благодарили его. Лекс обогнул толпу, выскользнул из корпуса. До обеда есть немного времени, можно не спеша пройти к столовой, избегая суеты, разговоров. Лекс сделал несколько шагов, и его «накрыло».

Все стало другим, непривычным. Впервые за несколько сезонов он смотрел на Цитадель Омегу глазами новичка, вбирал детали, замечал давным-давно известное. До Погибели Древние здесь добывали бут, подъезжали эти, как их... ло-ко-мо-ти-вы с вагонами. Прямо на раскрошенной скале стоит ржавый бурильный механизм, от него тянется железяка, похожая на распиленную пополам трубу. По ней камень сыпался вниз. Сейчас же ее приспособили под водопровод: в сезон дождей она собирает воду в подземные резервуары. Вагоны тоже

сохранились. Часть из них попилили на металл, из которого делали танкеры, а часть перевернули и устроили склады. Как памятник прошлому, под покореженными временем опорами гнил поезд на остатках рельс.

К Цитадели, окруженной скалами со всех сторон, подъехать можно было лишь по оврагу. Поначалу горы давили на Лекса, видевшего раньше только невысокие холмы. Нависали, прижимали к земле, грозя растереть, расплющить... Недели через две он привык. В сезон дождей за вершины цеплялись пузатые облака, и влажные скалы темнели, потом приобретали свой обычный желтовато-оранжевый цвет.

Тянулись ряды сложенных из бута зданий — длинных, низких, с плоскими металлическими крышами. Над казармами возвышалась черепичная кровля трехэтажного штаба. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — вот сердце и мозг Цитадели! Небольшой балкончик подпирают колонны, окна не квадратные — арочные. По обе стороны бетонной дорожки, ведущей к штабу, — клумбы с кактусами. Под козырьком колыхалось знамя Цитадели — красное с золотой подковой.

Территория Омеги была поделена на квадраты достаточно широкими улицами, где

запросто могли разъехаться два грузовика. Лекс шагал к столовой своего, учебного, сектора мимо казарм, лазарета, склада, мастерской.

Если смотреть от центральных ворот, то слева будет учебка со своей полосой препятствий, справа — казармы наемников, прямо — центральный плац, штаб, за ним — дома офицеров, а еще глубже, где старое депо, — производственный комплекс. За стеной жмутся друг к другу лачуги снабженцев, уборщиков, торговцев и прочей обслуги из диких. Ущелье велико и глубоко, его будто прорубили мечом, скалы выглядят неприступными, но на самом деле там есть и дороги, и туннели, и шахты.

Сейчас солнце почти в зените, но уже после обеда горы закроют Омегу от палящего зноя, и полегчает. На улицах появятся собранные, спешащие по делам офицеры и наемники, получившие увольнительную.

Впереди грянули слаженные выстрелы: там шла тренировка. Лекс замедлил шаг.

Основные цвета Цитадели — бежевый, серый, белый. И только скалы — темные, красноватые в отблесках солнца. У Омеги свой запах, ставший родным. За восемь сезонов Лекс из мальчишки превратился в мужчину, а Омега осталась неизменной и так же пахнет нагретым камнем,

металлом, порохом.

Иногда Лексу думалось, что Омега вечна. В том, что она будет всегда, он не сомневался.

— Лекс! — рывкнули над ухом. — Бегом давай, тебя Андреас ждет!

Отвлеченные мысли вылетели из головы, Лекс вспомнил о неминуемом наказании и кинулся в штаб учебного корпуса к командиру-наставнику.

*

Это было не обычное вечернее построение. Последнее. Шепотом произнесенное слово облетало ряд курсантов снова и снова. Последнее перед выпускными испытаниями и получением первого офицерского звания. Плац опустел, куда-то подевались младшие курсанты, выпускники привычно заняли свое место справа.

Юноши замерли, глядя в белесое небо.

У Лекса невыносимо зудели ладони: Андреас смилостивился, отправил отбывать наказание на кухню, где вредный повар заставил драить песком котлы.

Перед строем стояли командир-наставник и сам генерал, снова, второй раз за день.

Отзвучали приветствия, но высшие офицеры не торопились что-либо говорить. И даже не осматривали строй придиричиво, выискивая оплошавших. Лекс осмелился взглянуть на Бохана — генерал думал о чем-то своем, немного грустном.

— Курсанты, — начал наконец Андреас. — С завтрашнего утра для вас начнутся выпускные испытания. Все мы хорошо поработали, готовясь к ним. После испытаний, которые, я верю, вы с честью выдержите, вы станете полноправными членами нашей семьи, полноправными младшими офицерами Омеги.

Лекс покосился вправо. Гай был рядом, бледный, осунувшийся, но бодрый. Лекарь сказал — перегрелся, перенервничал. Бывает. Это не помешает испытаниям.

— Все восемь сезонов я был рядом с вами, — голос Андреаса дрогнул, будто бесчувственный и строгий командир-наставник еще не утратил способности сопереживать, — я вложил в вас, курсанты, все свои знания и умения. Отныне у вас будут другие наставники, но помните — я никогда не бросаю своих выпускников, многие приходят ко мне за советом, даже став старше меня по званию. И я помогаю, курсанты, как помогал вам все эти сезоны, помогал превратиться из деревенских мальчишек в

мужчин, воинов Омеги.

— Командиру Андреасу — ура!!! — завопил кто-то.

И полтора десятка глоток подхватили: «Урррраааа!»

Лекс вспомнил, как впервые слышал такое же раскатистое «уррра!» — тот выпуск давным-давно покинул Омегу.

Командир-наставник растрогался или сделал вид, что растрогался, махнул рукой.

Генерал Бохан удовлетворенно кивнул.

— Сегодня, — очень тихо сказал он, и на плацу воцарилась абсолютная тишина, — Омега прощается с вами, курсанты. Чтобы приветствовать действительных офицеров. Испытания будут нелегкими, воины Омеги никогда не боялись трудностей. Завтра утром вы поступаете в распоряжение комиссии. Но сегодня я хочу задать один вопрос...

Лекса пробрал озноб.

— Если кто-то желает отказаться от испытания, пусть скажет сейчас. По его желанию он будет беспрепятственно выпущен из замка

Омега или же станет держать испытание на звание рядового наемника наравне с другими соискателями, не обучавшимися в цитадели Омега. Есть ли желающие?

«Еще спросил бы: есть ли среди вас трусы? — с неудовольствием подумал Лекс, сжимая кулаки. — Кто отказался от испытаний, не достоин зваться мужчиной!»

— Говорите сейчас, потом у вас не будет такой возможности. Если сомневаетесь в своих силах — лучше быть живым наемником, чем мертвецом. Говорите!

Вздрогнул рядом Гай. Лекс не выдержал — обернулся. Неужели он решился? Нет, Гай молчал. Молчали и остальные товарищи. Молчал, вглядываясь в их лица, командир-наставник Андреас. Наконец генерал Бохан улыбнулся и кивнул.

— Генералу Бохану... — крикун закашлялся, и за него продолжил другой:

— Генералу Бохану — ура!!!

И снова громовое «ура!» пронеслось над плацем.

— Спишь?

Еще не рассвело. Лекс рывком сел на койке — кого, некроз ему в печень, принесло перед рассветом?

— Прости, — извинилась темнота голосом Гая. Зашуршал тюфяк, друг подвинулся ближе к Лексу.

— Что тебе? — вздохнул Лекс.

— Тогда, на вечернем построении... ты не хотел отказаться от испытаний, а, Лекс?

— И в мыслях не было. Я не трус. И не хочу уходить из Омеги, а уж с дикими плечом к плечу воевать — последнее дело.

Гай засопел. Что-то его тревожило, и Лекс не знал, как подтолкнуть друга к откровенности.

— Ты считаешь всех отказавшихся трусами?

По интонации, с которой Гай это спросил, Лекс понял, как надо отвечать.

— Нет, разное в жизни бывает, но...

— Тихо вы! — шикнул со своей кровати Кир. — Дайте поспать. В сортир топайте.

Гай и Лекс вышли из спальни. Пол в туалете холодил босые ступни, тусклая лампочка слепила после темноты спальни. Лекс присел на край унитаза. Гай оперся спиной о раковину; он был бледнее обычного, узкое лицо удлинилось еще больше, тонкий нос с горбинкой выступил. Помолчали. Из крана капала вода, и больше никаких звуков.

— Выкладывай, — наконец нашел нужное слово Лекс.

Гай мялся и страдал.

— Я хотел отказаться, — прошептал он. — Я боюсь не справиться. Знаешь, что бывает с теми, кто завалил испытание?

— Не знаю, — пожал плечами Лекс, — наверное, тоже в наемники, к диким. Или выгоняют... Это же позор — завалить...

Гай рассмеялся. Раньше Лекс не слышал такого смеха — будто мутант заскрипел.

— Ну ты даешь! Это не позор, Лекс, это смерть.

— Во время испытания, конечно, можно погибнуть, но...

От смеха Гай согнулся пополам, а когда распрямился, по его лицу текли слезы. Лекс испугался, совсем как в детстве, когда отчим решил отдать пасынка в Омегу, а мамка заплакала. Лексу хотелось стать военным, ведь быть офицером почетно! Но мамка плакала, будто знала чтото очень страшное, мальчишке неизвестное.

— Убьют. Провалившихся — убьют. — Гай тихонько всхлипнул. — Ты понимаешь?! Если я не справлюсь — всё, меня убьют!

— Да погоди. С чего ты взял?

— И ты завтра узнаешь. А мне выпускник прошлогодний рассказал. Онто прошел, а вот друг его — нет, там остался. На Полигоне. Понимаешь? Это был последний шанс выжить, не рисковать своей шкурой... А я... Я представил, как выхожу из строя, вы все смотрите, Бохан, Андреас смотрят, и все знают: я — трус, мне жизнь дороже чести... Понимаешь?!

— Тихо ты. Разбудишь всех. Понимаю. Но ты не трус, ты же не вышел...

— Я даже выйти и сказать струсил, — тихо, но очень четко сказал Гай.

Лекс задумался над словами друга.

Наговаривает он на себя. Во-первых, не выдержать испытание — это из сказок, зря, что ли, столько сезонов тренировались. Правда, Гай расклеился, приболел, но завтра лекарь всех осмотрит, и для больных испытание отложат, все честно. Во-вторых, про убийство — ерунда полная. Мы же все — семья. Отец может выгнать сына из дома, но не будет в него стрелять.

Гай следил за Лексом с настороженным любопытством. Подошел поближе, на корточки присел, в глаза заглянул:

— Ты думаешь, так не бывает? Ты действительно веришь в справедливость? Ты готов убивать и умереть за Омегу?

— Конечно, готов. И ты готов. И нечего мне здесь... Нечего меня провоцировать. Мы друзья, Гай, ты мне друг. Не заставляй о тебе плохо думать. Если трусишь, — Лекс улыбнулся криво, как всегда, — топай к Андреасу и признайся. Будь мужчиной.

Гай отшатнулся, потерял равновесие, сел на пол. Лицо его переменилось: теперь он смотрел с ненавистью, и Лекс подумал, что, хоть мозги Гаю и вправил, друга потерял.

— Ладно, — пробормотал Гай, — ладно, Лекс. Проехали. Забудь. Пойдем спать, завтра важный

день.

*

В коридоре одноэтажного здания — лазарета — к лекарю выстроилась очередь. Хома выглядывал из кабинета, истошно вопил: «Следующий!», и курсанты по одному заходили на осмотр. Лекс не видел Гая с завтрака, построение отменили и выпускников отправили сюда. Неужели Гай все-таки признался Андреасу в трусости и уже собирает вещи, сдает форму, а может, и выходит из ворот Омеги?! И ведь даже не простился...

Других судьба Гая не интересовала: в очереди обсуждали предстоящее испытание, делились слухами и предположениями. О смерти в случае неудачи никто не говорил.

— Следующий!

Лекс шагнул в кабинет. Лекарь, сосредоточенный, деловитый, бросил ему:

— Раздевайся.

Без промедления и стеснения Лекс разделся догола, шагнул к столу, отрапортовал:

— Курсант Лекс!

— Помню, помню. Жалобы есть? Что болит, что беспокоит?

— Никак нет! Жалоб не имею!

— Экий ты браваый. — Лекарь что-то отметил в личном деле. — А настроение как, курсант? Боевое, хорошее?

— Так точно!

Лекарь принялся вертеть Лекса, обстукивать, осматривать. Лекс терпел и молчал. Когда говорили глубоко вдохнуть — дышал, просили задержать дыхание — задерживал. Лекарь прощупал пульс на его запястье, нахмурился:

— А что сердце-то так частит? Волнуешься?

— А чего ему волноваться? — встрял Хома. — Он же, считайте, труп. Трупы волноваться не должны! — И расхохотался.

Лекарь обернулся к Хоме, но ничего не сказал. А Лекс счел за лучшее ответить:

— Вчера, помните, курсант 1ай упал на полосе? Кровь пошла носом, сознание потерял? Я его не видел с утра. Он что, отказался?

— Чего не знаю, — лекарь отпустил его руку, —

того не знаю. Не переживай за друга. Неуверенному в себе нечего делать на испытании. Одевайся, курсант. Годен. Хома, зови следующего.

В коридоре Лекс столкнулся с Гаем. Гай отвернулся, будто не заметил его.

*

Этого офицера Лекс ни разу не видел, на форме его не было шевронов, и понять, в каком он звании, Лекс не мог. Офицер не представился, не кивнул на стул. Сидел и смотрел на вытянувшегося по стойке «смирно» парня.

— Готов, курсант?

— Так точно.

Офицер полистал бумаги в папке. Нахмурился, потом лицо его разгладилось. Лекс заскучал. Он не понимал, что делает в этом кабинете, что от него хотят. В любом случае, личное дело Лекса безупречно, ну, почти безупречно: ни тяжелых провинностей, ни проступков, старшим не хамил, не ходил в «самоволку».

— Ты садись. Как говорили древние, ноги не правдивы. Скажи мне, курсант, что для тебя

Омега?

— Омега — моя семья! — гаркнул Лекс.

Офицер поморщился:

— А теперь своими словами, и правду.

— Это — правда. У меня нет другой семьи. Я предан Омеге.

— Хорошо. Очень хорошо, курсант. — Он снова углубился в бумаги. — Тогда я тебе сейчас расскажу про испытание. Тебя удивляет, почему мы наедине? Я отвечу: кое о чем лучше узнавать не в строю, а в одиночестве. После ты сможешь задать вопросы, и я на них отвечу. А теперь сосредоточься, курсант. Запоминай, это важно.

Испытание состояло из нескольких этапов. С науками курсанты уже разобрались, и теперь им предстояло доказать свою пригодность к несению службы. Учебные бои проводились и раньше, но ни Лексу, ни его сокурсникам еще не приходилось убивать. Офицер предупредил: теперь придется. Бойцы Омеги — единственные профессиональные военные на Пустоши, да и за ней, похоже. Будущих офицеров учили не только обращаться со всеми видами оружия, но и добывать его, если возникала необходимость. Первый этап испытания — спарринг, причем бой

должен закончиться смертью противника.

— Противник будет не из сослуживцев, — заметив, как вытянулось лицо Лекса, улыбнулся офицер, — мы понимаем, что ни один из наших курсантов не сможет убить друга, брата своего. Для спарринга и дальнейших испытаний в наш замок специально доставляют преступников, выродков, заслуживающих смерти. Мы даем им шанс. Если преступник победит в бою, курсант, он останется в живых, а тебя отчислят.

— Так точно, — прошептал Лекс.

Еще мальчишкой он видел драки, перестрелки, смерть. Видел некроз, мутафагов, банды кетчеров. Как и все жители Пустоши, он голодал после большого нашествия мутантов. Да и когда подрос, голодал. И успел забыть об этом. Далекое «я буду военным, я буду убивать врагов» сейчас, сей момент вторгалось в реальность. Лекс гулко сглотнул. Офицер прожигал его взглядом насквозь.

— Хорошо. О втором этапе узнаешь, если пройдешь первый. Поздравляю с началом испытаний, курсант, и желаю победы!

Лекс покинул кабинет. Ноги плохо слушались, кровь громко стучала в ушах, очень хотелось пить. Рядовой, сопровождавший его к

безмянному офицеру, кивнул на дверь — мол, пора на улицу. Лекс побрел за солдатом. Вот оно как. Ладно. Офицер утверждал, что придется драться с преступником, заслуживающим смерти. Лекс всего лишь выступит палачом, докажет, что способен убивать людей. Не думать о нем как о человеке. Ни о чем не думать. Предстоит драка. Главное — победить.

Мир смазался и погрузился в туман, Лекс будто наблюдал себя со стороны. Его привели в тесную каморку, похожую на раздевалку, мастер-наставник кулачного боя и мастер-наставник боя ножевого приказали ему раздеться до брюк и майки, Лекс послушался. Потом ему предложили выбрать, будет он сражаться на ножах или рукопашную. Лекс на задумываясь выбрал нож — не представлял, как сворачивает шею противнику. Если его жизни напрямую не будет ничего угрожать, если не поступит приказ — не сможет же. Ему вручили нож, потом Лекс достал из бочонка деревянный шарик с номером (попался пятый). Пятому преступнику не повезло, у него нет шансов.

Мастер-наставник ножевого боя придиричиво осмотрел ученика. Лекс всегда был лучшим, отличался на тренировках, да и науки ему легко давались, хотя читать он научился поздно, уже в Омеге. Он даже устыдился своего волнения. Хоть на миг усомниться в победе — усомниться в

наставнике.

— Иди. — Мастер махнул рукой в сторону арены. Удачи, курсант! Убей его. Будь осторожен: этот гад, сожри его некроз, забавлялся тем, что резал детей. Маленьких девочек. Мы взяли его на заставе. По мне, справедливо было выдать убийцу родителям жертв, но... Иди и убей его.

Лекс кивнул, чувствуя необычайную легкость в теле и голове. Ни одна лишняя мысль больше не мучила его, ни одного сомнения не осталось. Он покарает убийцу.

*

Привычную арену учебки со всех сторон огородили решетками. В нос ударил запах пота и крови. Лекс был один. Стоял спиной к солнцу, внешне расслабленный, поигрывая ножом. Потом открылась дверь во вторую раздевалку, и вывалился мужик, кряжистый, с несуразно длинными руками. Увидел Лекса и пошел по дуге, вполоборота, взяв нож обратным хватом. В движениях противника не было легкости и плавности, но Лекс разглядел чудовищный опыт убийцы. Соперник ощерился. Курсант не сделал ни шагу, только поворачивался, не выпуская его из поля зрения. Нападать ни один, ни второй не спешили.

Для Лекса перестало существовать окружающее, замерло время. Осталась лишь земля под ногами, солнце над головой, тяжелая поступь преступника.

— Давай, щенок! — Голос у него оказался визгливый. — Давай иди сюда! Боишься, некрозное отродье? Кальмарку тебе в зад, кактус в рот и сто мутафагов навстречу! Боишься?! Слушай, а я тебя узнал, узнал, отродье! Это твою маму мутанты всей ордой оприходовали? То-то ты не получился!

Лекс не вникал в смысл его слов. Оскорбляет? Ха! Ну, пусть потешит себя перед смертью. Это не имеет отношения ни к Лексу, ни к его маме — просто набор звуков, которыми противник хочет его отвлечь. Вот сейчас рассчитывает, что солнце ослепит пацана. Не будем обманывать ожиданий. Лекс дернул головой и прикрыл рукой глаза.

Убийца бросился на него.

Лекс отступил в сторону, но противник не потерял равновесия, извернулся со звериной ловкостью. Он был как панцирный волк Пустоши.

А потом мысли ушли и тело стало действовать самостоятельно. Лексу приходилось нелегко, убийца был быстр и очень силен; если подпустить его близко, с ним не совладать. Но

противник злился, горел нетерпением, и это работало на Лекса. В какой-то момент он очутился позади убийцы. Кольнуло ужасом: что, вот сейчас?! Но противник уже оборачивался, и Лекс, не закрывая глаз, ударил его ножом в шею. Мужик пошатнулся, зажал рану.

— Не убивай, — прошептал он, — парень, пощади!

Рука Лекса не дрогнула.

Он не помнил момент, когда покидал арену. Не видел, как убивали труп. Сел на пол в раздевалке и заметил, что до сих пор сжимает нож. Мастер-наставник опустился рядом, хлопнул по плечу:

— Молодец, курсант! Красиво дрался!

— Спасибо.

Что чувствует человек, отнявший чужую жизнь? Облегчение, звенящую пустоту. И счастье.

Глава 5.

Цитадель Омега

К вечеру жара спала. Пока кабина отдавала тепло, было терпимо, а вот когда остыла, Артур начал зябнуть, да и все продрогли. На вопли Шкета, умоляющего выдать хоть какую-нибудь ветошь, чтобы укрыться, конвоиры не реагировали. Артур надеялся, что ночевка будет под открытым небом, тогда он попытается сбежать. В благородство омеговцев Артур не верил, а перспектива, описанная Остряком, не радовала. Какая разница: быть пристреленным, пытаясь освободиться, или сдохнуть, защищая чужие интересы.

Когда холод стал невыносимым, пленники сгрудились в кучу, подобрали с пола тряпку и обмотались ею. Артур чувствовал напряженную спину Ломако; прижавшийся к правому боку Жбан мелко дрожал и скрипел зубами.

Дернувшись, грузовик затормозил. Шкет оживился, высунул из-под тряпки голову — ждал, что выпустят. Даже Ломако, застывший камнем, пришел в движение.

На улице переговаривались омеговцы, появился еще один голос — неразборчивый, скрипучий. Хлопали двери, то взрыкивал, то

замолкал танкер. Наконец гроыхнул замок, двери распахнулись, и в салон втолкнули двоих тощих ободранных парней. Даже в темноте было видно, что у одного из них под носом кровь. Метнувшись в угол, парень растер запястья, оглядел пленников исподлобья и скрестил руки на груди. Второй как рухнул кулем, так и валялся. Осмотревшись, первый сел возле друга на корточки, потрогал его шею и вздохнул. Других пленников он демонстративно не замечал. Обеими руками взъерошил волосы, вцепился в оконную решетку, подтянулся и заорал:

— Мы что, рабы? Мы вольные, дети вольных! Эй, слышите? Шакалы! Дерьмо ползуновье! — Сплюнул и уселся, прижавшись спиной к стенке. Лицо его было бугристым, будто обожженным. Потер расквашенный нос, скривился. Его товарищ в себя так и не пришел. — Что вылупились? — Это должно было прозвучать гордо, но получилось жалобно, как будто мальчишка собирается зареветь.

— Ну шо ты лютуешь, хлопэць? — проговорил Ломако с сочувствием. — Мы-то тебе не вороги.

Мальчишка вскочил, оскалился, точно брошенный в клетку волчонок:

— Мы им все время помогали, а они... налетели, все разворотили, постреляли всех! —

Он задышал часто, шумно и отвернулся.

— Кто «мы», кто «они»? — любопытствовал Шкет.

— Они. — Мальчишка пнул стенку кузова.

— А «мы»?

— Вы не поймете. — Он махнул рукой и принялся теребить латаную-перелатаную куртку с бахромой на рукавах; на ремне болтались кожаные косички, украшенные клыками панцирных волков. — Вы привыкли жить под кемто, мы, — мальчишка гордо вскинул голову, — нет.

— Тут такое дело... — заговорил Шкет. — Сегодня в обед на нас напали кетчеры. Омеговцы отбились и связались со своими. Потому вы теперь в немилости.

— Но мы-то при чем?

— Это ты им, — Шкет кивнул на кабину, — объясни.

— А куда хоть едем? — спросил мальчишка, шмыгнув носом-картошкой.

— Нихто нэ знае, — пророкотал Ломако и

установился на серебристый квадрат лунного света, льющегося в окно.

Видно, что мальчишка у бандитов недавно, ершистый, бредит свободой. Но проходит несколько сезонов, и такие гордецы превращаются в убийц с мутными глазами.

Артур замерз, вернулся под тряпку к Шкету и охраннику. Ему повезло меньше других — взяли полуголым, в майке. Благо, мокасины успел обуть. Ломако был одет в старую, заплатавшую на локтях кожаную куртку и ношенные штаны, остальные — в рубахи из плотной ткани.

Замычал, заворочался второй парнишка, оглядел пленников непонимающе и схватился за бритую голову. Первый метнулся к нему, помог сесть и изложил суть проблемы.

— Давайте попытаемся поспать, что ли? — предложил Шкет и растянулся прямо на железном полу.

Уснуть Артур не мог: трясло, ребра ныли, голова болела. Он раз за разом переживал события последних дней, свое предательство, пусть и невольное, — так и этак мысленно менял прошлое, «отменял» убийства и снова возвращался в холодную реальность.

Когда удалось вздремнуть, явился батя — до синевы бледный, с удавкой на шее. Пухлые губы разбиты, глаза глядят из-под кустистых бровей строго, с осуждением: «Что ж ты так, сын? Чего тебе не хватало? Я — дрянной человек? Подругому, Артур, в нашем мире не выжить: или ты сожрешь, или тебя сожрут. Вот ты хороший парень, верный друг, и потому валяешься здесь, а мог бы нежиться с девчонкой в кровати. Нужно быть сволочью, сын. Потому что иначе сдохнешь, запомни! Думаешь, все, что у нас было, легко дается? Не-е-ет! Это все для тебя делалось, с собой ведь богатство в землю не унесешь, а ты... Э-эх!» — махнул рукой и отвернулся. И вдруг черты его лица заострились, нос вытянулся, почернел, прорезались клыки... Мгновение, и вот уже не батя — пустынный шакал скалится, щелкает челюстями. Подбирается, прыгает...

Артур проснулся. Сердце колотилось, как молот о наковальню.

На улице занимался рассвет — самое холодное время. Стуча зубами, Артур встал, осторожно переступил через Шкета. Юные кетчеры дрыхли, обнявшись, мальчишка с разбитым носом всхрапывал. Потирая холодные плечи, Артур выглянул в окно — рост позволял не подниматься на носки. Здесь, на юге, трава уже выгорела, и до горизонта простирались рыжеватые холмы, а вдалеке, подернутые серым маревом, маячили

скалы. Старая жизнь отступала, освобождая место новой. Где-то там, в горах, — замок Омега...

Серое марево оказалось дымом. От трассы влево забирала узкая дорога и вела к поселку нефтяников Южного братства. Огромные трубы, на фоне которых дома казались игрушечными, подпирали небо. Странно было ехать неизвестно куда мимо чужой мирной жизни, трубопровода, мастерских, лачуг, мусорной кучи, где рылись мелкие мутафаги.

Навстречу попался караван — друг за другом шли два длинномордых грузовика с деревянными кузовами, обтянутыми брезентом. Поравнявшись с омеговцами, торговцы остановились. Из кузовов тарасились угрюмые охранники — бородатые, всклокоченные. Впереди колонны ехали два сендера, позади — самоход, из бойниц выглядывали пулеметные стволы. Водитель сендера помахал рукой и крикнул:

— Удачного пути!

В ответ омеговец посигналил. Ломако выругался, перевернулся на другой бок и захрапел.

С тех пор как исчезли летающие платформы,

Омега набирала силу, отстраивала гарнизоны по всей Пустоши и подминала близлежащие земли. Люди охотно переселялись поближе к замку: военные обеспечивали порядок. Платить им приходилось щедро, но никто не возражал — безопасность и стабильность дороже. К тому же солдат Омеги всегда можно было нанять в сопровождающие, и это гарантировало защиту от плохо вооруженных и разрозненных кетчеров, а уж про мутантов и говорить нечего.

Любой деревенский мальчишка мечтал попасть в офицеры или хотя бы в наемники, но не каждому улыбалось такое счастье: считалось, что в офицеры брали смышленных и здоровых, в наемники — просто здоровых. Однако повышенная радиация и плохое питание делали свое дело: у каждого что-нибудь да болело. Артур вспомнил, что одному из деревенских мальчишек повезло, причем незаслуженно. Мать у него была алкоголичка, а сам он — размазня и к тому же псих. Однако не побрезговали, забрали в офицеры. Всей толпой тогда ему завидовали. Артур тоже сбежать в Омегу хотел, да мать узнала и не пустила. А того дурачка... как же его звали-то? Лешка... Нет. Алик? Вылетело из головы. Интересно, он живой сейчас или не выдержал нагрузки да сбежал? Или просто помер?

Горизонт окрасился в розовый, появился алый край солнца. Скоро снова станет жарко.

Чем ближе подъезжали к горам, тем выше вздымались холмы. У Артура устали ноги и руки: грузовик трясло, приходилось балансировать, цепляться за решетку окна, чтобы удержаться. Но Артур продолжал смотреть: он никогда здесь не был, не представлял даже, что увидит эти земли и эти пейзажи, так отличающиеся от его родины. Дорога петляла, грузовик то кряхтя взбирался вверх, то скатывался со свистом. Артур сглотнул кислую слюну. Вспомнился бородатый Остряк: будь он здесь, точно заблевал бы салон.

В горах оказались ближе к вечеру, когда все измучились от жары и тряски. В грузовике уже давно молчали, сидели насколько возможно дальше друг от друга и даже наружу больше не выглядывали: узкая дорога жалась к скале, а внизу разверзалась пропасть. Омеговцы за день сделали два привала — утром и в самый зной; пленников покормили, дали умыться, но уже после обеда на Артура навалилось тупое безразличие. Сколько можно ждать, сколько можно ехать? Теперь понятно, почему никто не связывался с омеговцами: к Замку не подобрешься...

Когда начало смеркаться, грузовик остановился. Что там, впереди, видно не было.

— Приехали! — крикнули из кабины, открылся люк, и на этот раз несколько пар наручников

полетели в Артура.

Одни он успел перехватить, остальные ударили в боковой бок. Защелкнув браслеты на запястьях, Артур поднял руки и направился к дверям на согнутых ногах.

На улице он оторопел: впереди — будто из скалы выросшая высокая стена из бежевого камня с бурными прожилками, а въезд... Таких огромных ворот, черных, с золотой подковой и кроваво-красной надписью «Омега», Артур не видел никогда. Справа и слева от них стояли бронированные грузовики, такие же, как тот, на котором привезли пленных, и выглядели детскими игрушками.

Вскоре подтянулись четверо конвойных в черной форме, на пленных они смотрели равнодушно.

— Выстроиться колонной по одному, — приказал сержант, поводя стволом автомата. — Считаю до трех. И раз, и два...

Не сговариваясь, пленные построились, Артур встал во главе колонны, он чувствовал себя рабом, выставленным на продажу, ничтожным и не заслуживающим лучшей доли. Один омегавец вел пленных, второй замыкал, двое других шагали по бокам, держа людей под прицелом.

Вопреки ожиданиям, створки ворот не распахнулись полностью, они состояли из множества больших и малых дверей. Впереди идущий омеговец покрутил круглую штуковину, похожую на руль, и открылся круглый люк в человеческий рост. Артур шагнул за направляющим.

Позади завозились, донесся вскрик, последовала автоматная очередь, Артур обернулся и получил прикладом по ребрам, в глазах потемнело, но он выдержал, не согнулся.

— Убрать падаль, — распорядился сержант.

Артур всетаки посмотрел назад и не досчитался мальчишки-кетчера с расквашенным носом. Парень выбрал свободу и умер свободным.

Оказавшись на территории Омеги, Артур огляделся. Он рассчитывал увидеть огромный замок, черный и угрюмый, лепящийся прямо к скале, но никаким замком тут не пахло: длинные аккуратные здания из дикого камня, в основном одноэтажные, ровные дорожки, мощенные гравием. Непривычно чисто, такое впечатление, что попал в другой мир: ни грязи тебе, ни хлама. Наверное, те, кто называл это место «замком», не бывали внутри.

Навстречу попадались омеговцы — в основном или в летах, или совсем щенки. Мальчишки шептались, косились с интересом, старшие вообще не реагировали.

Миновали длинную казарму, свернули к вытоптанной площадке с лестницами из тонких труб, лабиринтами из покрышек, странными сооружениями в виде буквы П. Площадка упиралась в опорную стену, возле которой сеткой-рабицей обнесли внушительный кусок земли, а сбоку притулилась неказистого вида казарма. Из помещения вышли двое безоружных солдат.

— Построиться! — скомандовал сержант. — Слушать меня! Ты, — указал он на Ломако, — шаг вперед.

Втянув голову в плечи, киевлянин подчинился. Омеговец расстегнул на нем наручники, повесил их себе на пояс.

— Упал, отжался, сколько можешь!

Ломако с недоумением обернулся. В единственном глазу блестели слезы.

— Выполнять!

— Я нэ разумию, — пролепетал он.

Омеговец сделал ему подсечку — Ломако упал на выставленные вперед руки.

— Локти сгибай. Пошел!

Работал Ломако, как насос. Похоже, он вообще не знал усталости. По красному лицу градом катился пот, он пыхтел и отдувался, но темпа не сбавлял.

— Отставить. Хорошо. Видишь площадку? Чего молчишь, судьба твоя решается!

— Вижу.

— Дорожку вокруг нее видишь?

— Ага.

— Беги по ней как можно быстрее. Пошел!

Прихрамывая, Ломако потрусил к дорожке. Он выжимал из грузного тела все, что мог, но все равно еле тащился, подволакивая ноги, и хватался за поясницу. Артур мысленно подгонял его, желал удачи, ведь если он справится, ему предложат контракт!

— Отставить! Ко мне подошел! Шевелись! Рядом стать, вот так.

Омеговец жестом подозвал конвойных,

протянул Ломако наручники, он их тотчас защелкнул на своих запястьях.

— Увести. «Мясо».

Омеговцы повели ссутулившегося киевлянина в казарму. Вскоре они вернулись. Командир указал стволом автомата на Шкета и молодого кетчера, который едва держался на ногах:

— Ты и ты — шаг вперед. «Мясо».

Шкет вытянул шею и завертел головой, приговаривая:

— Какое мясо? Вы что? Я сильный, несмотря на то что легкий! Дайте мне шанс! Я умею и бегать, и это... руки сгибать много-много раз! Во мне и есть-то нечего... ребята...

Сопровождающий тюкнул его по затылку и поволок к открытой двери, как ползун — жертву в холмевейник. Раненый кетчер не сопротивлялся — рухнул в обморок.

— Ты!

Ошалевший Артур некоторое время не мог сообразить, что обращаются к нему.

— Плечистый, шаг вперед!

Артур повиновался. Сейчас расстегнут наручники, и он свернет этой сволочи шею, отберет автомат, после — не важно. Лучше сразу сдохнуть, чем стать «мясом». На Пустоши и подумать не могли, что омеговцы — людоеды, «мясо» уже никому не расскажет, а остальные молчат. Да Омега же гаже мутантов, хуже некроза! И вся эта ерунда вроде черной формы, неприступного замка, хорошего обращения с пленными... Конечно, «мясо» кормят, берегут, чтобы потом сожрать. Он представил себе бойню, заляпанную кровью, крюки, на которых развешены освежеванные тела Ломако и Шкета... Когда сняли браслеты, Артур боковым зрением заметил: автоматчики насторожились, прицелились в него.

— Упал, отжался!

И Артур упал. Отжимался он неторопливо, ждал, когда надсмотрщики потеряют бдительность. Вскочил, бросился на командира, ударил в солнечное сплетение, попытался достать незащищенное горло, но омеговец плавно ушел вниз-влево, ткнул локтем в живот. Артур отшатнулся, принял оборонительную стойку. Противник ухмыльнулся, поправил китель и скомандовал автоматчикам, которые почемуто не открыли огонь:

— Годен!

Налетели омеговцы, скрутили руки и повели в ту же казарму, куда и «мясо», но Артур больше не сопротивлялся. «Годен» — не «мясо». Поселилась крохотная надежда на благоприятный исход. Что случилось с бывшим охранником отца, Артур не знал, даже не вспомнил про него. Какое кому дело? Выживают и умирают поодиночке.

Из казармы спустились в подвал. Артура проволокли по тускло освещенному коридору мимо одинаково ржавых дверей, затолкали в камеру. Потирая многотрадальные ребра, он осмотрелся: под самым потолком — окно, куда не высунешь даже голову, на каменном полу — тряпка вместо постели, рядом — миска с кашей и кружка воды.

И что все это значит? Если хотели бы завербовать, то уже сказали бы.

Усевшись на тряпье, Артур принялся есть. Он успел проголодаться и жрал руками, как мутант. Вымазал тарелку хлебом... Вкусно, питательно, даже на хлеб не поскупились. Откармливают на убой или берегут будущего солдата? Артур думал недолго, у него не осталось сил на переживания. Замотавшись в тряпки, он сразу же задремал — сказалась бессонная ночь.

Лязгнул замок. Артур поднял голову, проморгался: на полу стоял завтрак, та же

похлебка, что и вчера. «И свиней кормят», — напомнил он себе, но от еды отказываться не стал. Лучше умереть сытым, чем голодным. Перекусил, размялся: отжался раз тридцать, поприседал, проделал весь привычный с детства комплекс упражнений. Мышцы ныли, тело слушалось неохотно, будто после тяжелой болезни.

В окошко под потолком лился свет, значит, уже утро или день. Интересно, долго так сидеть придется? Не успел подумать, как в коридоре затопали, остановились напротив двери. Артур насторожился.

Двое омеговцев вошли в камеру, третий остался в дверях — охранял. Пожилой седовласый офицер протянул пленнику наручники:

— Давай без глупостей. Надень, и я расскажу, что тебя ждет. Что смотришь? Вперед, или мы сделаем это своими методами, но сделаем все равно. Поверь, тебе лучше оставаться целым.

Повертев наручники, Артур сдался, защелкнул их и уставился на седого:

— Теперь говори. Или пристрели на месте, да и дело с концом.

— Идем, храбрец. — Седой не оборачивался,

чтобы проверить, успевает ли Артур за ним. — У наших курсантов испытание: спарринг. Ну, бой с противником. Причем противник должен быть убит.

— То есть противник — это я?

— Сообразительный.

Артур споткнулся на лестнице, но устоял, переварил услышанное и спросил:

— То есть шансов у меня нет?

— Почему же, все будет по-честному: если выиграешь, тебя отсюда выпустят. — Офицер пропустил Артура вперед, втолкнул его в тесную каморку, где уже было пять человек, и закончил: — Хочешь — верь, хочешь — нет, но мы слово держим. Запомни, твой номер — три.

Артур оглядел «годных»: все крепкие, рослые, чуть ниже его. Длиннорукий жилистый верзила метался по каморке. Два шага — и он уже у противоположной стены. Кряжистый мужик со шрамом поперек лба бранился, приговаривая:

— Шо, поверили им? Да? Пове-е-ерили. Уши вон развесили, «мясо».

Если собравшиеся здесь — «годные», какая же

участь ждет «мясо»?

Дверь распахнулась, крикнули:

— Пятый, на выход!

У кряжистого раздулись крылья носа, он тряхнул головой и проговорил:

— Прощайте, мужики.

Монашек в потрепанной рясе Ордена Чистоты начал икать, верзила вытаращил глаза и заметался сильнее, остальные приникли к стене — хотели слышать, что происходит на улице. Артур будто наблюдал себя со стороны, мысли текли неторопливо. Это все не с ним, а с кемто другим. Не он стоит грязный, небритый, ожидая приговора. Сейчас Артур проснется, и кошмар закончится.

— Что там? — пролепетал верзила; самому послушать у него не хватало силы духа.

— Не разобрать ни мутанта.

Сосредоточиться. Нервничать нельзя. Артур обязан победить. Отец кое-чему научил, к тому же некоторое время поселок охранял однорукий убийца из Меха-Корпа, который по настоянию бати занимался с Артуром искусством боя. От

наставника Артур узнал про точки, куда надо бить, и понял, насколько человек всетаки хрупкий. Вряд ли омеговцы подготовлены хуже, но у него, по крайней мере, будет шанс.

В коридоре затопали. Артур сжался, монах заикал громче. Медленно-медленно отворилась дверь. Вот, сейчас...

— Первый!

— Я не пойду! — Верзила попятился и замахал руками, прижался спиной к стене.

— Считаю до трех, потом стреляю, — предупредил омеговец. — И раз, и два... — Он прицелился.

Верзила вытаращил глаза, замотал головой. На «три» грохнул выстрел, пленник схватился за простреленную грудь и сполз на пол, вытянув ноги. Запахло мочой.

— Значит, второй — на выход! — скомандовал омеговец и прокричал в коридор: — Один испортился, приведите-ка пополнение!

Монашек пулей вылетел за дверь. Артур вздохнул с облегчением. Еще кусочек жизни, хотя говорят, хуже не бывает — ждать. Схватка неизбежна, он это знает, но все равно цепляется

за мгновения спокойствия.

Пополнением оказался русоволосый парень, ровесник Артура, его вызвали предпоследним.

И вот Артур остался один. Пока в каморку никто не возвращался — либо всех перебили, либо... «тебя отсюда выпустят» — не пустой звук. Седой говорил это при свидетелях, а ходят слухи, что омеговцы не нарушают данное слово.

Скрипнули петли, и Артур шагнул навстречу судьбе. Время тянулось медленно-медленно. Знакомый мрачный коридор. Затылок омеговца. Тусклая лампочка, о которую бьется мотылек.

— Шевелись. — В спину толкнули.

Омеговцы. Лучшие бойцы. Чужая смерть — их работа. Но они все равно проигрывали схватки. Потому что жизнь всегда сильнее, а загнанная в угол крыса бывает страшнее панцирного волка.

Яркий свет резанул по глазам, ослепил, Артур часто заморгал и вскоре разглядел сетку, натянутую по периметру вытоптанной площадки. На земле кровь — свежая алая и застывшая буроватая. Пахнет бойней.

В руки сунули нож, Артур осмотрел его: добротная сталь, изогнутое лезвие с кровостоком

— все честно, как и обещали. В середине арены — противник. Молодой, ровесник или младше. Русоволосый. Узкое лицо, нос с горбинкой и ясные глаза, как у девчонки. Не стоит обманываться, у омеговца тело тренированного бойца: широкие плечи, упругие мышцы.

Артур остановился напротив. «Отключи мысли и стань зверем, тело все помнит», — говорил тренер из Меха-Корпа. Враг не спешил нападать, примерялся, присматривался. Артур закружил вокруг него, делая ложные выпады, — проверял защиту. Безупречна. И реакция что надо.

— Гай, осторожнее, это профессионал, — предупредил седоволосый омеговец, следивший за поединком.

Противник пошел в атаку, он пер как танкер, при этом умудрялся отражать выпады и уходить из-под них. Сердце Артура колотилось часто и гулко, в голове пульсировала мысль: «Слишком сильный враг... Слишком». Пропустил удар в солнечное сплетение (к счастью, не ножом) — задыхаясь, упал и откатился, вскочил. Пот лился градом, в глазах темнело. Поднырнуть, замахнуться — боль обожгла плечо, рука стала непослушной, от липкого и горячего нож заскользил в ладони. Омеговец приближался. Глаза — холодные стекляшки, губы поджаты.

Сделал обманное движение — Артур раскрылся, замахнулся, но противник блокировал. Он оказался близко, лицом к лицу, мог бы уже десять раз покончить с Артуром, но почемуто мешкал. Артур рванулся вперед, двинул лбом в переносицу, взмах руки — лезвие погрузилось в мягкое. Чужая кровь смешалась с собственной.

Враг поджал ноги, схватился за рукоять, торчащую из живота. Артур попятился, привалился к сетке. Выжил. Победил... Плевать, что это последняя победа.

Омеговцы слетелись роем, ворвались в клетку, заломили руки. Что они орали, Артур не слышал, просто смотрел в раскрывающиеся рты. Его повели мимо казарм, мимо ржавых, побитых временем сооружений — что это было, уже не разобрать, — мимо дымящихся труб. Куда, зачем, он не думал — не мог.

Глава 6.

Преддверие

В курсанты отбираются мальчики одиннадцати-двенадцати лет, без физических и психических дефектов. Обучение длится восемь сезонов, включает в себя теоретическую (изучение естественных наук) и практическую (владение всеми видами оружия, техникой рукопашного боя) части. Курсантам, успешно сдавшим теорию и практику, присваивается звание младшего лейтенанта или лейтенанта в зависимости от достигнутых успехов.

Памятка командирам-наставникам

Из-за испытаний отменили дневное построение и на час перенесли обед. Под дверью столовой гомонили курсанты, Гая среди них не было. Хотелось верить, что он опаздывает или избегает встречи. Неужели отказался убить какую-то тварь? Значит, следовало вчера с ним жестче поговорить.

Лекс смотрел на знакомые лица и не узнавал товарищей. То ли с ними что-то случилось, то ли изменился он сам.

Вымыл руки, глянул на себя в зеркало: да нет, такой же. Криво усмехнулся и протопал за свой

любимый столик у стены. Место Гая пустовало. Кир, выпучив глаза, уплетал кашу, ложка в его руке дрожала. С набитым ртом он обратился к Лексу: — А ты с кем бился? Расскажи.

— Прожуй. Плюешься.

Кир совету не внял, повернулся к Максусу:

— У меня пацан был молодой, — тараторил он, сверкая глазами. — В рясе такой... Монах, значить. Я слышал, их там учат драться. А этот, значить, смотрит на меня и трясется. Я к нему с ножом — ха! А он ка-а-ак завизжит свиньей! Даже когда нож поймал, верещал.

— У меня — громила, на мутанта похожий, — сказал Макс. — Я ему горло перерезал. Кровищи было! Вообще неумелые... — Макс внезапно умолк, сник, в тарелку уставился — Андреаса увидел.

Лекс без аппетита съел обед и, наблюдая за Андреасом, медленно допивал компот. Он рассчитывал перехватить командира-наставника у выхода и спросить, почему нет Гая. Да, скорее всего он струсил и теперь стыдится показаться на глаза товарищам. О том, что друг мог погибнуть или получить ранение, Лекс не задумывался, он убедился, насколько воин Омеги превосходит самого сильного из диких.

Кир справился с обедом и продолжил допекать Лекса: — Ну, а у тебя-то что?

— То же, что и у всех: убил.

— Ножом? Интересно, кто-нибудь выбрал рукопашную? Жалко, что не давали смотреть бои!

Лекс молча поднялся и понес посуду в мойку, Андреас как раз направлялся туда же.

— Командир-наставник, разрешите обратиться!

— Да, Лекс, — устало проговорил он.

— Курсант Гай... Почему не в столовой?

— Он в лазарете. Ножевое ранение в живот. Ему попался сильный соперник.

— Насколько все серьезно?

— Лекарь говорит, скорее всего выживет.

— Можно к нему?

— Если лекарь разрешит. Не забывай, на вечернем построении быть обязательно.

Ни лекаря, ни Хому Лекс в лазарете не застал.

Потоптался возле кабинета, в операционный блок идти не рискнул. Уселся на пороге, сорвал траву и принялся плести косичку из подсохших стеблей. Когда напекло голову, снова постучался к лекарю и собрался уже уходить, но в коридоре раздались шаги и голоса.

— А, курсант Лекс. — Лекарь снял светлый балахон и повесил при входе в кабинет, теперь он был одет по форме, как и все омеговцы. — Плохо дело у твоего друга. Но ничего, парень здоровый, крепкий, будем надеяться, что обойдется.

— Можно к нему?

— Нежелательно.

— Завтра начинаются испытания на Полигоне, — сглотнув, начал Лекс. — Вдруг со мной что-то случится? Мне нужно его увидеть.

— Хорошо, накинь вот. — Лекарь протянул ему хламиду. — Но учти: ему нельзя нервничать, он слаб и потерял много крови. Хорошо, у него самая распространенная группа, если бы не сделали переливание — умер бы, — говорил он уже на ходу. — Еще раз напоминаю: не шуметь и не волновать больного. Ясно?

— Так точно.

— И быстрее давай, я скоро вернусь.

Странное дело, у двери Лекс замешкался. Раньше он думал, что не ведает страха. Он не боялся ни на Полигоне, когда отстреливал волков, ни перед первым спаррингом, ни перед сдачей научной части. Теперь же мялся у порога, не зная, как посмотреть в глаза другу. Это ведь с его подачи Гай, сомневающийся в своих силах, не отказался от испытаний.

Скрипнула дверь — Гай повернул голову и слабо улыбнулся: — Лекс... проходи.

— Прости, — проговорил Лекс, усаживаясь на стул рядом с койкой.

— Не быть мне офицером. — Гай кисло улыбнулся и вздохнул. — Я мог его убить много раз, но не стал.

Лекс промолчал. Нет, Гай не струсил, тут что-то другое. Вспомнилось, как на пятом курсе, когда волков на Полигоне гоняли, Гай пожалел и спрятал волчонка, за что получил выволочку от Андреаса.

— Да и в наемники к диким не оченьто хочется, — продолжил Гай. — Но вот думаю... мы же ничего не умеем, только драться.

— А ничего больше и не надо, — криво усмехнулся Лекс.

— Что будет завтра?

— Испытание на Полигоне, наверное. Пока держат в секрете.

Воцарилось молчание. Приоткрылась дверь, и лекарь проговорил: — Курсант Лекс, тебе пора.

Лекс сжал холодную руку Гая:

— Выздоровливай, друг.

— И ты там... поосторожнее, ладно? Я ж тебя знаю. Обещай.

— Хорошо. Я справлюсь, не переживай. И поговорю с Андреасом, чтобы нашел для тебя место в штабе.

— Бесполезно, — прошептал Гай. — Я сплеховал.

— Со всеми бывает. По-моему, он за тебя переживает. Так что держись. — У выхода Лекс обернулся. Поднял сжатый кулак: — Держись, слышишь?

Гай слабо кивнул.

До построения Лекс упражнялся в стрельбе. Во время обучения курсанты осваивали все виды оружия, их даже учили делать самострелы и отливать дробь. Из огнестрела Лексу милее всего была снайперка. Автомат любят ленивые и несдержанные. Тра-та-та, треск, море кровищи, да и расход патронов огромный. Другое дело — снайперка... Улегся, прикрылся рогожей и ждешь. Появилась цель, поймал ее, ничего не подозревающую, в прицел, и всё, и никуда она не денется. Плавно давишь на спусковой крючок — хлоп! — враг падает с аккуратной дыркой во лбу.

Сдав винтовку рядовому Климу, Лекс отправился на турник. Тело, привыкшее к постоянным тренировкам, тосковало по движению. На другом конце площадки плохо знакомый командир-наставник гонял мелкоту.

— Эй, мутант! — позвал сокурсник Кир, товарищ вредный и склочный.

Подъем, переворот. Плавно опуститься на пыльную землю. Оп-па! Кир ухмылялся, уперев руки в бока. Амбициозному Киру не давали покоя достижения Лекса, и он пытался доказать свое превосходство другими способами. Сам он называл себя Зверем, но среди курсантов бытовало другое прозвище — Псих. Услышав его,

Кир злился и сразу же затевал драку, за что потом отбивал наказание вместе с обидчиком.

Перед испытанием лезть на рожон не стоило, Лекс смерил Кира презрительным взглядом и смолчал.

— Вызываю тебя на дуэль! — Кир сделал театральный выпад. — Я — убийца мутантов!

— Успокойся лучше. А то, — Лекс с трудом сдержал улыбку, — плюешься. — Он подпрыгнул и повис на кольцах.

— Ах ты шлюхин сын! — вскипел Кир.

Молчание далось с трудом, Лекс перевернулся и повис вниз головой. В детстве ему доставалось из-за того, что его мать слыла женщиной легкого поведения. «Шлюхин сын» было его вторым именем, даже скорее первым. Конечно, он дрался с обидчиками, но почти всегда получал, потому что желающих посмеяться было много. Да и против правдыто не попрешь. Часто, возвращаясь домой, Лекс обнаруживал, что дверь заперта, его впускали, лишь когда уходил очередной мамкин хахаль. Иногда под утро.

Потом появился отец. Лекс понимал, что никакой он на самом деле не отец, но как мог изображал любящего сына. Мужик этот был мал

ростом, падок до выпивки, жесток, частенько бивал и мать, и Лекса, и младших братьев. В один прекрасный день он поставил условие: «Никаких чужих щенков, самим жрать нечего». И мать согласилась. Поскольку Лекс был крепким и на удивление здоровым, омеговцы его с радостью забрали.

Лекс снова перебрался на турник и сел, свесив одну ногу, вторую поставив на перекладину.

С тех пор он считает, что его предали, и семьи у него нет. Сейчас он благодарен матери, а тогда согревал себя мыслью, что вернется — гордый такой, весь в черном, на танкере, и прирежет «отца». А обидчикам набьет морды. Даже смешно вспоминать свои детские мечты.

Врезать Киру, конечно, стоило. Прямо промеж наглых лупалок. Повалить его и заставить есть пыль. Но, наверное, Кир на то и рассчитывает. Сам на плохом счету, надо и сокурсника опорочить.

— Чё молчишь? Трусишь?

— Кир, — подавив злость, сказал Лекс, — ты офицер или выкидыш мутанта?.. Вот и веди себя соответствующе.

Что такое «выкидыш мутанта», Лекс не знал. В

детсг ве услышал, как бранятся мужики на ферме, и включил выражение в лексикон — уж очень обидно оно звучит.

Кир вопил, махал руками, но Лекс не слушал — подтягивался.

*

На вечернем построении, как и вчера, присутствовал генерал Бохан. Будущие офицеры стояли, вытянувшись и задрав подбородки, каждый мысленно уже примерял погоны и командовал строем диких.

— Здравия желаю, курсанты!

Грянуло приветствие.

— Рад видеть вас в добром здравии. Завтра вам предстоит еще одно испытание, оно же будет последним. Тот, кто справится, сам выберет гарнизон, куда отбудет нести службу. Условия обговорим позже, с подробностями задания вы ознакомитесь утром.

На языке вертелись вопросы: какое задание, что ждет тех, кто не справится? Но все молчали. Вряд ли кто-то уснет сразу после отбоя, курсанты будут гомонить до утра, делиться предположениями, брататься и на всякий случай

прощаться. О неудаче Гаю генерал промолчал; курсанты, занятые собой, не заметили, что боевого товарища нет на построении.

После ужина Лекс наведалься к Гаю, но лекарь его не пустил, сказал, что парень спит, ему нужно набираться сил. Видимо, суждено увидеть друга лишь по окончании испытаний.

После отбоя Кир таки заметил, что пустует кровать соседа.

— Слышь, а где Гай? — спросил он у Лекса, отвернувшегося к стене.

В отличие от легкомысленных сокурсников, Лекс готовился к завтрашнему дню со всей тщательностью и собирался уснуть.

— Не знаю, — буркнул он.

— Да врешь ты! Чё с ним? Струсил небось?

— Если бы струсил, Андреас при всех его опозорил бы, — не выдержал Лекс. — Слушай, отлепись, а? Если так интересно, спроси завтра у Андреаса.

— Да чё те стоит? Ну скажи!

— Дай поспать. Не знаю я.

Придавив голову подушкой, Лекс закрыл глаза и попытался отрешиться от шума.

Глава 7. Нет выхода

Остановились у ворот — небольших, едва ли танкер пройдет. Как и положено на выезде — охрана, каменные башни дозорных вышек и пулеметные точки.

— Это был мой ученик, — проговорил седой, стараясь не смотреть на Артура. — Но я обещал, что ты уйдешь... и ты останешься в живых. Пока что.

Охранники на воротах не обращали на Артура внимания, как будто каждый день бывшее «мясо» ходило туда-сюда. Сняли наручники, вручили пистолет, патроны и вытолкали за ворота. Обернувшись, Артур прочел во взгляде седого ненависть.

Шагнул вперед, еще шагнул и побрел в сторону долины, со всех сторон окруженной скалами. Впереди маячила то ли свалка, то ли деревня. Это не Замок Омега, где чисто, здесь почти как дома: каркасы машин, выжженная солнцем земля, под ногами перекатываются камни. Живой! На воле! Все еще не веря в удачу, Артур побежал, боясь, что омеговцы передумают, он чувствовал — они смотрят в спину.